

18+

Элина Базоркина

Две судьбы Джаннет

Лучик солнца впереди

Элина Базоркина

**Две судьбы Джаннет.
Лучик солнца впереди**

«Издательские решения»

Базоркина Э.

Две судьбы Джаннет. Лучик солнца впереди / Э. Базоркина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538482-9

Можно разрушить чужой город и построить на этом месте свой. Можно разрушить чье-то счастье и начать строить свое. Но разрушив чужое счастье, однажды, проснувшись утром, есть вероятность самому упасть в эти руины, которые придется разгребать всю свою жизнь. И тот, кто посмел посягнуть на чужое, пусть не торжествует, так как эта победа временная. И тот, кому разбили сердце, пусть не печалится, потому что печаль эта временная. Потому что, «за каждой тягостью наступает облегчение» (94:5).

ISBN 978-5-00-538482-9

© Базоркина Э.
© Издательские решения

Содержание

Родные удары	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	29
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Две судьбы Джаннет Лучик солнца впереди

Элина Базоркина

Иллюстратор Элина Базоркина

© Элина Базоркина, 2025

© Элина Базоркина, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0053-8482-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родные удары

Глава 1

Что нужно для женщины, чтобы она считала себя счастливой? Удачно выйти замуж? Родить здоровых детей? Жить в роскошном особняке, имея несколько автомобилей, а также кучу украшений с бриллиантами и т. д.? Есть женщины, которым и этого мало, но Джаннет была счастлива и довольна всем тем, что имела.

Выйдя замуж в 17 лет за успешного и известного в своем небольшом городке хирурга Мурата, который был ее старше почти на 10 лет и был очень даже хорош собой, она считала себя счастливой. Он славился успехом не только в карьере, но и среди женщин. Многие девушки (и не самые простутки, а современные и образованные красавицы), мечтали оказаться на месте Джаннет.

Джаннет девушка из довольно-таки обеспеченной семьи. Ее отец – пожилой человек 62-х лет, владелец крупной местной фермы, которая занималась сбытом мяса крупного рогатого скота по всему региону. Был он человеком в меру старомодным. Можно сказать, это и стало причиной того, что он отдал дочь замуж в раннем возрасте. Это была его идеей, а точнее, его принципом. Он считал, что женщина должна быть устроена как можно раньше. Так ему будет спокойнее и дети его станут самостоятельными в молодом возрасте.

Что, говоря о детях, так у Махмуда (так звали ее отца) было еще три сына, которых тоже женили, едва им перевалило за двадцать лет. Все они были старше Джаннет. Рахим, парень 29-ти лет, самый старший, очень своенравный, где-то тщеславный малый, имеет достаточно непростой характер и, будучи женатым менее десяти лет, уже полностью (если можно так сказать) отдался под влияние своей жены Фатимы, которая пришла из очень неблагополучной и несостоятельной семьи, но это ей не помешало преподнести себя так, словно она вышла из княжеской.

Второй брат – Хасан, был с характером «куда ветер, туда и он». Ему было легче, чтобы его направляли во всем. Делать, что ему говорят, и ни за что не отвечать – его устраивало полностью. Зачастую ему приходилось много раз противостоять по этому поводу и спорить со своей женой, которая также пыталась всегда и везде внести свою лепту, но он все же уступал доминирующему брату, даже переступив через свою супругу. Белла в свою очередь (так звали его жену), просто мирилась с происходящим, и ей ничего не оставалось, как соглашаться.

Напротив, с очень твердым характером и принципиальными жизненными позициями и качествами был младший брат Рустам. Он во всем следовал прежде всего благоразумию, делая выводы только по справедливости, и всегда во всем учитывал мнение родителей. Мать их Асият была домохозяйкой из очень благородной семьи. Ее отец был уважаемым богословом во всем регионе. Рустам очень любил мать и считался с ее словом, как и со словом отца. Но и они всегда и во всем советовались с ним. Никто не обсуждал это вслух, но Рустам был любимым их сыном и другие это чувствовали, конечно, не без помощи своих жен. Но это было небеспочвенно, ведь он действительно был правильным парнем, и своим добродушием они и были похожи с Джаннет. И общий язык они находили лучше; словом, брат и сестра были как два друга. Между ними было почти четыре года разницы, но Рустам был для Джаннет крепкой опорой во всем. И, как говорится, Всевышний сводит похожих, жена Рустама, Амина, тоже была очень доброй и воспитанной девушкой и во всем соглашалась и поддерживала мужа.

Семья Амины живет в соседнем городе, отец работает директором школы, а мать имеет собственное ателье. Кстати, бабушка и дедушка Амины по матери со времен Советского Союза и до недавнего времени проживали в Турции, не смотря на происхождение отсюда. Именно

оттуда и забрал когда-то в жены отец Амины ее мать. Тогда дед Амины вместе со своими братьями переехал жить в город Ризе по предложению работы – с надеждой найти лучшие условия, чтоб заработать и вернуться на Родину. Но судьба распорядилась иначе, и каждый из них нашел свое призвание на месте – вдали от родины. Но, к счастью, дед Амины, Тимур, и его братья тесно поддерживали родство с родственниками, не теряя своих корней с родной Ингушетией и строго придерживались всех традиций и законов нации. А в недавнем прошлом старики решили все же вернуться на родину, чтобы прожить свою старость в родном краю.

Младшие братья Тимура, Тагир и Идрис, солидные пожилые люди возрастом чуть более 60-ти лет, до сих пор проживают там и часто приезжают сюда, чтобы навестить своих родственников, посетить родные места, и также в ближайшее время планируют перебраться на родину. Впрочем, у них не останется выбора, имея такого преданного своей родине брата-патриота.

До своего замужества Джаннет была близка со своей невесткой. Не смотря на то, что ей недолго пришлось пожить с ней в одном доме, пока ее не выдали, они много времени проводили вместе. Девушка всегда и во всем помогала Амине и по дому, и с маленькими детьми. У них с Рустамом было их двое: мальчик и девочка.

Что ж, вернемся в семью мужа Джаннет. Мурат был единственным сыном, имевшим двух сестер и мать. Отец Башир умер несколько лет назад от тяжелой болезни, но при этом успев во всем обеспечить своих детей. Всем своим детям он дал высшее образование, тем самым (как он считал) обеспечив им безоблачное будущее, в чем, собственно, был прав. А после выдал дочерей замуж и женил сына. Мурат и старшая сестра окончили высшие медицинские учреждения, младшая же была успешным юристом. Девушки были очень самоуверенными и самоулюбленными особами, всегда ухоженные – как с иголочки. В принципе, это также описывало и их брата – тридцатидвухлетнего Мурата. Как бы не со зла Рабия – старшая, и Раяна – младшая, подшучивали над своей невесткой за ее простоту, а также подчеркивая то, что Джаннет не получила высшего образования, успев пройти только колледж дизайнера.

Джаннет не любила выделяться. Она была грамотной и современной, хоть и не спешила бежать в ногу с модой, но при этом всегда выглядела аккуратно и очень даже мило. Но, конечно, до своих золовок-модниц ей было далеко. Мурат хорошо относился к жене, уважал ее. В целом, они оба устраивали друг друга во всем. Как же она не будет его устраивать, если всегда во всем соглашалась с ним и никогда не перечила. Всегда с искренней, именно с искренней радостью и улыбкой встречала его, даже когда он приходил далеко за полночь. Джаннет и не думала, что, в принципе, могла и проявлять возмущение или хотя бы излагать свое мнение, если ей что-то не нравится в его поведении, но она этого никогда не делала. А Мурат был любителем расслабляться после работы. И кто его знает, как он это делал. Она никогда не забивала себе этим голову. Мурат также любил собирать компании у себя дома и при этом сообщал об этом жене незадолго до их прихода, и Джаннет также не делала из этого проблему. Имея большую свекровь, ей частенько приходилось встречать, накрывая пышные столы (что присуще было их дому) для родственников, навещавших женщину. В общем, скучать девушке не приходилось.

Джаннет не обделяла вниманием и свою дочку Анису. Мама была путеводителем для нее во всем, а девочка близким другом для мамы. Кстати, ее имя так и переводится – «близкий друг». Аниса была девочкой с очень красивыми и умными глазами. Ей было всего 4,5 года, но она много понимала и соображала не по возрасту. Мурат и Джаннет души не чаяли в ней, ни в чем не отказывая, но в то же время не балуя ее. Девочке не приходилось много объяснять, что можно, а что нельзя; она все понимала с полуслова.

Глава 2

– Вчера была тяжелая операция. Пациент был на грани жизни и смерти. Как ты себя чувствуешь, ты отдохнул? – обратилась молодая, стройная и ухоженная коллега к Мурату.

– Да-а-а! Валился с ног, еле дошел до кровати.

– Наверняка, встретив с улыбкой на лице, Джаннет сняла всю усталость и стресс с тебя, – сказала Самира с сарказмом, примерно предполагая, что в 12 часов ночи Джаннет, вероятнее всего, заснула, не дождавшись мужа, так как вчера Мурат мимоходом обмолвился, что к ним приходили гости (более десятка человек), которые ушли поздно.

– Джаннет? Бедняжка устала очень. День был тяжелым и для нее тоже, – ответил он.

– Хм. Устала? – с ухмылкой подхватила Самира. – Неужели больше тебя?

Кинув на нее изучающий взгляд, пытаясь понять ход ее мыслей, еле улыбнувшись, он произнес:

– Может, и больше.

Самира, поняв, что перегибает палку, тут же добавила:

– Я это как раз и имела в виду. Нелегко быть женой человека, имеющего столько родни.

– Она справляется, – снова едва улыбнувшись, ответил Мурат.

Девушка долго вглядывалась в его глаза, уходя мыслями глубоко, пытаясь понять, говорит ли он это искренне или просто для смены разговора. Неужели так сильно любит эту простушку? Самира была очень симпатичной, а больше – эффектной молодой девушкой среднего роста. Любила одеваться стильно и следить за собой, никогда не упуская возможности аккуратно пококетничать с молодыми мужчинами. Во всех она видела потенциальных мужей. И ее несколько не смущали их жены, а ее меркантильные взгляды ей всегда помогали в этом. И предположительно, что она поэтому и сблизилась с его старшей сестрой, которая даже не заподозрила ее в корысти.

Джаннет – девушка с белоснежной чистой кожей, душой и улыбкой. С черными большими глазами, длинными темными ресницами и густыми бровями. У нее были правильные черты лица (нос и губы) и густые, ниже плеч светло-русые волосы с платиновым отливом. Она была девушкой хрупкой, стройного телосложения и среднего роста. Мурат, напротив, был высоким, не худым, но суховатого телосложения смуглым брюнетом. Сестры также были высокими брюнетками.

Казалось бы, все так гладко и сладко в жизни Мурата и Джаннет, но не всегда одних устраивает счастье других. И именно их мир в семье и раздражал так сильно стройняшку Самиру.

– Мама, мамочка! – услышала крики дочки Джаннет. Аниса звала ее испуганным голоском. Джаннет сама была еще девочкой, но с обязанностями мамы справлялась на все сто.

– Что случилось, моя девочка?

– Не знаю. Мне больно на ножке, и крови много потекло, – сказала малышка, едва сдерживая слезы.

– О Аллах. Так ты поранилась! – вскрикнула Джаннет, прикрыв рот от испуга. Затем взяла девочку на руки и понесла в ванную. Едва струя воды коснулась ноги, как стало видно, что ранка достаточно глубокая. «Во всяком случае, несколько шовчиков нанести придется», – произнесла Джаннет мысленно.

– Ладно, – обратилась она к девочке. – Сейчас мы поедem к папочке, он знает, что делать. Хорошо, мое солнышко?

– Ладно. А это больно будет?

– Разве папа может сделать тебе больно, родная? – Аниса улыбнулась, но улыбка быстро сошла с детского личика. Видно было, что девочка испугалась.

Джаннет накинула свой большой платок, она носила полную покрытую одежду мусульманки (хиджаб), взяла девочку на руки и направилась к выходу. Машина такси уже ждала снаружи.

Выходя, она услышала вслед:

– Что вы натворили с ребенком? – Обращение на «вы» означало конкретное направленное обращение. Она так говорила, когда хотела обвинить девушку в чем-то, но не хватало смелости, что ли, сказать направленно. Это была свекровь.

– Бедное мое дитя, несчастный мой ребенок! – уже ускоряя шаги, прихрамывая, направилась к ним полная пожилая женщина, качаясь из стороны в сторону. – Что вы натворили с моей малышкой?

– Она поранилась в саду, мама, – тихо ответила Джаннет.

– Я никогда не видела тебя столь занятой, чтобы у тебя не хватало времени смотреть за своим ребенком! – дерзко проворчала женщина. – Неужели трудно за одним ребенком присмотреть? А будь у тебя двое или трое, как у меня? Я справлялась и с тремя детьми, и со всеми обязанностями, что были возложены на меня.

– Позволь нам поехать в больницу, мама. Рана перевязана не так туго, да и такси долго ждать не будет.

Когда Джаннет с Анисой прибыли в больницу, их уже встречали в коридоре Мурат со своим ассистентом Самирой и двумя медсестрами. Но девушка не была удивлена, она знала, что мама не упустит возможности сообщить сыну о произошедшем, опережая каждое свое слово.

– Ой, что случилось с нашей маленькой Анисой? – таким тонким и нежным голосом обратилась Самира к девочке. – А ну-ка давай посмотрим.

– Так! Приготовьте процедурный кабинет и все необходимое, – обратился Мурат к медсестрам. Девочки засуетились. Он взял девочку на руки и спросил: – Как это произошло?

– Я не видела как. Это произошло в саду, она крикнула...

– Так, все понятно, – жестко ответил он и занес девочку в процедурный кабинет. Джаннет направилась следом за ним, но кто-то резко прикрыл дверь перед ней. Она попыталась открыть ее и войти, но перед ней откуда-то появилась Самира, словно стояла за дверью и ждала ее действий.

– Джаннет, милая, зачем тебе на это смотреть?

– Хотя бы потому, что я ее мать, – удивленно, но спокойно ответила она.

– Но здесь ее отец. Неужели ты не доверяешь ему?

– Самира, что ты там делаешь? Подойди! – нервно воскликнул Мурат.

– Извини, – пожав плечами, тихо произнесла она и закрыла дверь.

Джаннет оставалось терпеливо ждать.

Примерно через полчаса Анису вынес отец на руках с перевязанной ступней.

– Пришлось наложить четыре шва, – серьезно произнес он. Джаннет смотрела с грустью, но ничего не произнесла. Впрочем, она и сама уже дала характеристику порезу и примерно знала, сколько швов придется наложить. Как-никак, около шести лет живет с хирургом.

– Сегодня перевязку трогать не нужно, а потом в день один раз обрабатывать рану и делать свежую перевязку, – начал Мурат.

– Хорошо, – подчиненно ответила Джаннет.

– Такси вам уже вызвали.

– Папочка, ты не отвезешь нас? – нежно приподняв голову с его плеча, спросила Аниса.

– Мне нужно работать, мое солнышко. Но я постараюсь освободиться пораньше, – тихо обратился он к дочке и поцеловал ее в лоб.

Джаннет улыбнулась и продолжила :

– Доченька, папе хотелось бы поехать с нами, но его ждут больные, он должен оказать им помощь.

– Уй ты, сладкие розовенькие щечки, а глазки ух какие: голубые и большущие. Интересно, в кого у нее такие глазки, когда оба родителя кареглазые? – с незаметным сарказмом загадочно спросила Самира.

Никто ничего не ответил на поставленный вопрос, наверное, не посчитав его к месту. Джаннет приехала, уложила уже спящую дочку в кровать и присела с краю. Мельком ненароком пронеслись тревожные мысли непонятно из-за чего. Какая-то тревога не давала ей покоя, пока она сама не уснула рядом с девочкой.

– Я вижу, у тебя уже вошло в привычку засыпать, не дождавшись мужа, – жестко обратился Мурат

– Что, прости?! – спросонья спросила Джаннет.

– Ничего! Я здесь пустое место, наверное. Уважения – ноль.

– Я... Не... – не совсем вникая, она попыталась что-то сказать в свое оправдание, совершенно не догадываясь, что подобные мысли появлялись в его голове с помощью других. – Я и не думала засыпать. Сама не заметила, как задремала. Видимо, устала.

– Неужели больше, чем я? – как-то дерзко и целенаправленно спросил он, не осознавая, что повторил слова Самиры.

– Нет, конечно. Я так не считаю. Просто...

– Так, ладно. Закрыли. Давай спать, – сказал он и направился к своей стороне кровати.

– А есть ты не будешь? Еще не так поздно. Десяти ведь еще нет.

– Нет. Я ел.

– Ладно. Отдыхай. Пойду на кухню, посмотрю, что нужно сделать. Мама, наверное, голодная. – Но он уже спал. Это было понятно по едва слышному храпу.

Джаннет стало почему-то как-то обидно за его слова и равнодушное поведение, хотя, в принципе, и придраться было не к чему. Он всегда говорил спокойно и сухо, да и устал, по-видимому, сильно.

Глава 3

Утром Мурат встал рано, быстро оделся и уже собирался выйти из дома, как Джаннет его остановила со словами:

– Завтракать не будешь?

– Нет, мне нужно спешить. У нас совещание.

– А. Ну хорошо. Тогда, может, завернуть тебе?

– Не стоит. Я позавтракаю на работе, – и вышел.

Девушка пошла в комнату Анисы, чтобы посмотреть, как она.

– Как ты, мое солнышко? Ножка беспокоила ночью? – Хоть Джаннет и заходила за ночь несколько раз, девочка крепко спала, так как ей дали успокоительное, чтобы боли не тревожили ее, но все же она хотела узнать лично от дочери ее состояние.

– Немного болит. Но не так сильно, мамочка, – ответила Аниса.

– Ах ты моя сладкая! – воскликнула Джаннет и крепко обняла малышку.

– Папа тоже заходил посмотреть, как я...

– У тебя очень хороший папа. Он сильно любит тебя.

– Я знаю. И тебя он тоже сильно любит, мамочка, – произнесла это, девочка начала смеяться, чем вызвала смех и у матери.

– А-ха-ха. Моя проказница. Откуда ты знаешь? – продолжала она смеяться. Словно это больше был смех радости, нежели веселья.

– Знаю. Просто знаю.

– Все. Пошли. Умоемся, причешемся и позавтракаем. – Девочки направились вниз.

– Доброе утро, мама! Идем завтракать! – позвала Джаннет свекровь к накрытому столу.

Женщина, прихрамывая, зашла в столовую кухни. Посмотрев на невестку, затем на внука, она села на почетное место.

– Как твоя ножка, внучка? Болит?

– Нет, бабушка. Уже прошло, – ответила Аниса, глотнув молока.

– Когда дитя на последнем плане, так часто бывает, – произнесла старуха и приступила к завтраку. Джаннет улыбнулась и стала наливать чай. – Сегодня вечером я хочу собрать гостей позвать муллу, чтоб почитал мовлид в благодарность Всевышнему за то, что ничего серьезного не произошло с нашей малышкой. Отвари побольше мяса. Налепи галушек, сделай лепешки. Ко времени вечерней молитвы соберутся.

– Да. Конечно. С утра же и приступлю. Наведу порядок сначала. Двор подмету.

– И не забудь с метелкой дойти до сада. Почаще бы мела его, ребенок не порезался бы.

Джаннет кивнула, соглашаясь.

Закончив завтракать, прибравшись на кухне, она пошла в сад, чтоб найти «виновника» вчерашнего инцидента. Немного похажив по саду, она обнаружила разбитый стакан, который накануне швырнула старуха, проявив недовольство к его чистоте. Стакан не так уж блестел, как ей хотелось. Покачав головой, она аккуратно собрала осколки и понесла их в мусорник. Проходя мимо женщины, сидящей на веранде на кресле, Джаннет показала, что собрала осколки, но не стала подчеркивать, что знала, откуда они. Посмотрев на них, старуха отвернулась в сторону, что-то пробурчав себе, вспомнив тот самый стакан.

День прошел в суете. Много всего пришлось приготовить. И когда столы были накрыты, а до прихода гостей оставались считанные минуты, во дворе появились две высокие особы на каблуках. Конечно же, это были любимые сестры Мурата.

– Мы пришли! – с восхищением воскликнула она, словно сами радовались своему приходу.

– Мы подумали, что нужна будет помощь, и поэтому пришли пораньше.

Джаннет улыбнулась и обняла золовок.

– Добро пожаловать, родные! Спасибо большое, но все уже сделано.

– Как сделано? Приборы разложены не перед каждым местом. Стулья не везде стоят. Сейчас все будет сделано.

– Мама! – подбежали девушки к выходящей из своей комнаты старухе. – Как ты? Как здоровье твое? Ты, наверное, устала сегодня?

– Ничего страшного. Перетерплю. Есть немного конечно, ведь здоровье уже не то. Нынче быстро устаю, стоит лишь немного походить. Гости разойдутся, приберемся – и отдохну.

– Нельзя тебе нагружаться. Ноги больные у тебя, давление быстро повышается. Отдыхай почаще, – с жалостью на лице произнесла Рабия.

Джаннет, немного понаблюдав за этой сценой, пошла продолжать делать свои дела.

– Сегодня мне нужно пораньше освободиться. У нас будет много гостей в честь нашей Анисы, и я ей обещал прийти пораньше, – сказал Мурат сидящим в кабинете врачам, в том числе и Самире. Пересматривая что-то из документов, истории болезни и т. п., он даже не придал значения тому, что Самира как-то замешкалась. Немного повозившись с бумагами, он вышел. Девушка последовала за ним.

– Что за спешка? Все хорошо? – спросила она вдогонку.

– Ну да. Я же сказал, у нас собираются родственники. Я должен идти.

– Да? Ты сказал? Когда?

– Полчаса назад, когда мы все были в кабинете.

– Правда? Наверное, пропустила.

– Да, наверное. Видимо, ты завозилась с бумагами и пропустила.

– Ага, так и есть. А к вам только родственники идут?

– Наверное. Не знаю, кого там мать пригласила. Ладно, мне пора бежать. – Мурат вышел.

Самира была очень разочарована. Это было видно по ее лицу. «И почему эти мужчины такие тугодумы? Я должна была сама напрашиваться, что ли?» – подумала она и, вытащив телефон из кармана белого халата, стала набирать номер.

– Алло! Рабия, привет, дорогая! Как дела? – набрала она его сестру.

– Ой, Самира, привет. Все хорошо, у тебя как?

– Все хорошо. Хотела кое-что спросить по работе. Ты на работе сегодня?

– Ой, нет. Я у мамы. А что там? Говори...

– У мамы в рабочий день?

– Да-а-а, сегодня в честь племянницы гостей собираем, молитвы почитать хотим. Людей много будет, мы с Раяной помочь пришли. Если что-то срочно, говори, я слушаю.

– Нет-нет. Ничего срочного. Просто хотела кое-какие нюансы обсудить. Это может затянуться. Лучше при встрече.

– Ну давай тогда приходи сейчас к нам сюда, здесь и обсудим.

– Ой, нет. Как-то неудобно. Там много ваших родственников, плюс у вас дел много, не до меня будет.

– Ой, ну не преувеличивай ты. Мы уже все сделали. Остается только встречать гостей и кормить. Это будут делать мама и невестка. Одна встречать, другая кормить.

– Не знаю даже. Как-то неудобно.

– Ну... сама смотри. Если действительно тебе неловко. Ты же у нас такая скромняшка.

– Хотя ладно. Завтра и ты, и я на работе. Нам обеим будет некогда. Не хочу тебя отвлекать от работы, – подхватила Самира, боясь, что приглашений больше не поступит.

– Вот и все. Решили. Приходи.

– Ок. Жди.

– Кто это был? – спросила Раяна сестру.

- Самира.
- Самира? Что она хотела?
- Кое-что спросить. Я ее сюда позвала.
- А она наверняка отказывалась, напрашиваясь на уговоры.
- Ну, нет. Не совсем. А что?
- Ой. Так уж я и поверила. Не нравится мне эта вертихвостка. Еще со школы не нравилась. Всегда любила проворачивать какие-то выкрутасы.
- Ну... Ей же вроде наш Мурат нравился. Может, поэтому?
- Ей, Рабия, нравились все. А если еще есть перспектива, то от нее и не отделаться.
- Не поняла. Ты думаешь, что у нее есть какие-то намерения или что-то вроде этого?
- Не знаю. Не знаю. Но не удивлюсь, уж поверь.
- Мурат зашел во двор и сразу направился к сестрам с сияющей улыбкой.
- Добро пожаловать, сестренки!
- И тебе добро пожаловать, Мурат! – Сестры обняли брата, задали друг другу приветственные вопросы, затем он пошел вверх в свою комнату. Джаннет в этот момент зашла переодевать девочку и сделать перевязку ей.
- Добро пожаловать. Ты сегодня пораньше? Как хорошо, – с нескрываемой радостью воскликнула Джаннет.
- Папочка! – Аниса потянула ручки к отцу, тот взял ее на руки.
- Да. Из-за гостей. А ты что здесь делаешь? Мама и сестры вовсю суетятся.
- Я только что зашла переодевать девочку и сделать перевязку.
- Давай быстрее заканчивай, выходи. Некрасиво. Ты здесь, они там.
- Он переоделся и вышел.
- Сейчас Джаннет выйдет, – спокойно обратился он к матери, словно услышал ее мысли.
- Да зачем сейчас? Уже все сделано, – спокойно произнесла старуха. Это звучало так жалостно в ее голосе, что казалось, она это от отчаяния говорит. Мурат вопросительно посмотрел на мать, пытаясь понять ее мысли. Ведь он прекрасно знает, что она не в состоянии и часа находиться на ногах, а не то чтобы что-то делать по дому или готовить.
- Мамочка, сядь, отдохни, – сказал он, обняв мать и поцеловав в лоб.
- Как мне сидеть, когда все только начинается? День впереди.
- Ну зачем тогда вся эта суета? Не надо было всего этого. Я раздал бы милостыню или барана зарезал бы, и все.
- Нет-нет. Я хотела угостить всех в честь моей внучки. Я люблю гостей, ты знаешь. Люблю, когда столы ломятся от изобилия. Я все правильно сделала. Ничего, не умру, отдохну, когда все уйдут.
- Ну, как знаешь, – сказал он. С этими его словами во двор вошла Самира. Увидев его удивленное лицо, она воскликнула:
- Ах, Рабия, перед твоим упорством не устоишь. Ну говорила же тебе, не приду я, не надо меня приглашать на ваше мероприятие, где только ваши родственники.
- О чем ты говоришь, родная? Проходи, – обратилась к ней Рабия.
- Они обнялись, поцеловались. И Самира подошла к старухе.
- Добрый вечер, тетя Айшат.
- Будь счастлива, дочка! И тебе добрый!
- Как ваше здоровье? Как поживаете?
- Спасибо, все хорошо. Посадите девушку за стол, – обратилась она к дочкам.
- Нет-нет. Что вы? Вы ждете важных гостей. Я посижу в сторонке.
- Для нас каждый гость важен. Не упрямясь! – с голосом сказала женщина. – Мурат, скажи своей коллеге!
- Хм, да, Самира, садись, – немного запинаясь, сказал он.

– Спасибо вам большое, – улыbnулась она и села за стол.

Джаннет встретила добродушно Самиру, тоже подтвердив предложение присесть за стол.

– Так что ты хотела спросить у меня? – спросила Рабия.

– М-м-м. Мне нужно было кое-что выяснить по поводу одной справки, не знала, как правильно выписать ее. Потом по дороге сюда нашла образец в интернете и выписала. Я уже хотела развернуть такси, но стало перед тобой неловко.

– Правильно сделала. Я бы обиделась.

– Я знаю, поэтому и пришла, – с улыбкой сказала Самира.

Гости собрались все быстро, почти пунктуально в назначенное время. Все общались активно, радуясь видеть друг друга. Одни и те же вопросы задавались: «Как это произошло? Когда? Почему?» В общем, день прошел нескучно.

Время – одиннадцатый час ночи. Последней уехала Самира, а следом прибыли мужья за сестрами Мурата. Поприветствовав зятьев, Мурат пригласил их в дом, но те отказались, не смотря на его настойчивость. Девушки вышли со двора со своими сумочками и с большими пакетами гостинцев, что положили им мать и Джаннет. Попрощавшись с братом и невесткой, они сели в машины и уехали.

– Хорошая девушка эта Самира. Очень хорошая, – начала старуха Айшат, направляясь по двору в дом.

Джаннет, улыbnувшись, кивнула утвердительно и забежала в гостиную, чтобы начать уборку.

– Жаль, что у меня нет больше сына, я бы непременно пошла ее сватать для него, – продолжила она. – Конечно, не дай Аллах мне подумать, что, хоть бы ты не был женат, я бы ее за тебя взяла.

– А-ха-ха-ха, мама! Ну ты смешная. Не дай Аллах тебе так подумать, но дай Аллах произвести. Да? А-ха-ха.

– Что смешного, сынок? Я так не думаю и не желаю. Боже упаси. В конце концов у вас прекрасная Аниса. Мое сокровище.

– Ну так и не думай тогда. С чего вообще такие мысли? А Джаннет не сокровище твое? А-ха-ха! – продолжил он. – Не твое, так мое, – моргнув самому себе, пошутил он.

– Ах ты негодный подкаблучник! – вскрикнула мать, слегка шлепнув его по затылку. Мурат громко расхохотался и направился в ванную, чтобы совершить омовение для молитвы.

Джаннет как раз выходила оттуда с девочкой на руках.

– Пойду уложу ее и вернусь к делам, – сказала она и направилась в комнату, он кивнул и пошел в ванную.

Уложив девочку, которая сразу заснула, Джаннет вышла и направилась на кухню, где ее ждала громадная гора посуды, которую она предварительно вынесла из гостиной, полностью почистив комнату. Там сидела мать и что-то перебирала из фруктов.

– Ой. Как же я устала! – со вздохом промолвила старуха. – Когда же мы закончим?

– Мама, ложись спать. Я сама все сделаю.

– Когда ж ты закончишь? До утра будешь возиться одна.

– Не буду. Я быстро справлюсь.

– Ну, не знаю, раз так настаиваешь, пойду я тогда. Ноги не держат совсем меня. Устала.

– Спокойной ночи, мама.

– Будь счастлива. И тебе спокойной ночи, – старуха вышла из кухни.

Девушка быстро прибралась, не прошло и часа, и, умывшись, помолвившись, зашла в комнату.

Мурат сидел и что-то печатал на ноутбуке.

– Я ждал свою жену, – с улыбкой сказал он.

– Эх, как же я устала! – со вздохом ответила Джаннет. – Аниса спит?

- Спит. Все спят. И никто нам не помеха, – с этими словами он направился к жене.
- О, нет, Мурат, пожалуйста. Я очень устала. Имей сострадание.
- Сострадания выше крыши, дорогая женушка, – он подошел к ней и обнял ее.

Когда Мурат вышел из душа, завтрак уже его ожидал на столе.

– Я все съем! – с жадностью сказал он. – Я голоден, как никогда!

– Еще бы. Наверное, много энергии израсходовал накануне, – прикрыв рот, хихикнула Джаннет.

От резкого рывка смеха у него все брызнуло изо рта, и он немного поперхнулся.

– А-ха-ха. Ты та еще штучка, – заметил он. И они оба стали смеяться.

За всей этой «картиной» наблюдала Айшат, с ехидством пробормотав себе: «Ни стыда, ни совести».

Увидев мать, он позвал ее за стол.

– Мама, ты встала?

– Давно я встала, сынок.

– Проходи завтракать.

Женщина села. В ту же минуту в кухню осторожно зашла Аниса, немного прихрамывая.

– Вот сейчас похожа на свою бабушку, – рассмеялась старуха.

– Ладно, я побежал, – вставая, сказал Мурат.

– Я провожу! – воскликнула Джаннет.

– Джаннет, налей-ка мне чаю, – тут же подхватила старуха.

– Да, конечно, мама, – остановилась она и быстренько налила чаю, затем вышла вслед за мужем.

– Счастливого пути тебе, Мурат! – вскрикнула вслед Джаннет, когда он садился в машину.

– Спасибо, – улыбнулся он.

– Какая же у тебя замечательная мама, Мурат! – ни с того ни с сего подчеркнула Самира. – Я в восторге от этой женщины. Такая приветливая, обходительная, внимательная. Ни одного гостя не оставила без внимания. Я восхищалась ею весь вечер.

– Серьезно? Я передам ей твои впечатления о ней, – усмехнулся он.

– Ну... я серьезно, вообще-то.

– Да и я не шучу, – равнодушно добавил он. Самира промолчала, недоумевая, почему он так себя ведет.

– А Аниска просто чудо-ребенок. Как бы я хотела такую доченьку. Откуда у нее такие большие и ярко-голубые глаза? В кого интересно? Ты смуглый брюнет. Джаннет светлая, но черноглазая. Это надо же – такой подарок от Всевышнего. Дочка с глазами цвета незабудки. Прелесть, а не дитя.

– Я заметил, ты восхищаешься всеми членами моей семьи, – улыбнулся он. – Ты и про Рабию говорила, что очень любишь эту девушку.

– Да. Мы же давние подруги. На самом деле у тебя замечательная семья. И ты сам очень хороший, умный и правильно воспитанный мужчина, – добавила она.

– А что ты скажешь о Джаннет? Мне очень интересно знать твое мнение и о ней. Как ты относишься к этой личности? Ты так же восхищаешься ею? – неожиданно спросил он.

Самира онемела от неожиданного вопроса. «Что же он хочет услышать? Неужели так любит свою жену и хочет услышать хорошее о ней? Или просто хочет знать мое отношение? Как лучше ответить?»

– Эй! Ты здесь? Вопрос о Джаннет ввел тебя в ступор? – помахал он рукой перед ее лицом.

– Ам-м-м. Нет, конечно. Джаннет хорошая девушка. Я же совсем забыла, я должна была зайти в палату 18. Пациент вызывал меня. – Самира встала со стула и вышла из кабинета.

Как же ей не понравился вопрос Мурата, а больше его интонация, и как ей не хотелось такого исхода. «Но еще не вечер», – подумала она и начала обход палат.

Глава 4

- Алло. Рабия! Приве-ет! Что делаешь? – набрала Самира Рабию.
- О, привет, Самира. Все нормально. Как ты?
- Тоже все неплохо. Я вот тут подумала. Может, куда-нибудь сходим? В кафешку, например? Как ты на это смотришь?
- Я? Ой, не знаю. Можно. Почему бы и нет? А куда именно?
- Давай в то кафе, куда ходили в последний раз? Мне там понравилось.
- Хорошо. Когда?
- Когда ты сможешь?
- После обеда сегодня смогу. В 14:00 или в 15:00.
- Хорошо. Договорились. Сегодня в 14:00 в том кафе.
- Ок.

- О, спасибо, что не опоздала. Что будешь? – предложила Самира.
- Кофе и одну шоколадную пироженку можно.
- Ок. Мне чай и пирожное тоже, – добавила Самира официанту. – Посмотри, какую я косметику купила. Уж на что-что, но на это деньги никогда не жалею, – с наигранным восхищением добавила она, вываливая кучу косметики на столик. Ее совершенно не волновала купленная пару месяцев назад косметика. Ей просто нужно было начать разговор.
- Да, хорошая. Я тоже только такой пользуюсь. Люблю качественную брендовую косметику и парфюм, – дополнила беседу Рабия.
- Дешевизну женщины показывает ее дешевый парфюм и косметика. Не так ли, дорогая?
- Ага, – подтвердила подруга.
- Вот этот набор парфюма и палитра теней – для тебя! – открыто улыбнувшись, произнесла Самира.
- Что ты! Я не возьму. Оставь, ты же себе купила! – возмутилась Рабия.
- Возьми. У меня есть достаточно. Я хотела сделать тебе подарок. Ну бери же.
- Ой, спасибо тебе, Самира, большое. Не стоило беспокоиться.
- Не за что. Не переживай так, я с радостью. Мне это доставляет удовольствие, поверь. Люблю дарить подарки, – сказала она и добавила, вытаскивая шелестящий пакет из сумки: – А это вашей маме.
- Что это и зачем ты тратишься? – неловко спросила Рабия.
- Это большой платок из натурального шелка, привезенный из Индии. Не хочу показаться нескромной, но он очень дорогой, – с улыбкой добавила Самира.
- Самирочка, родная, какая же ты внимательная! Но мне так неудобно. Реально неловко мне очень. Мама будет в восторге. Она обожает подарки, а тем более эксклюзивные. Она и так в тебе души не чает, всегда хвалит тебя, подчеркивает твоё хорошее воспитание и манеры, – сказала Рабия и обняла подругу.
- Не стоит так переживать. Я же люблю. Я очень люблю вашу семью, – добавила она с явным преувеличением, которого, кстати, Рабия не заметила. – Я бы и Мурату что-нибудь подарила, но не стала, боялась, что неправильно поймут. Он же мне как близкий друг и даже брат, если можно так сказать.
- Не надо больше тратить, но не потому, что неправильно поймем, все мы знаем, что ты искренне относишься к нашей семье. А просто не нужно больше беспокоиться.
- Мурат хороший парень. Хочу заметить, его жене повезло с ним. Надеюсь, они счастливы вместе.

– Не знаю, счастливы или нет. Но свои отношения иногда явно демонстрируют... – с легким ехидством ляпнула Рабия.

– В смысле? – как бы безразлично переспросила Самира.

– Вчера мама услышала их разговор на кухне «интимного характера», – кривя рот, ответила Рабия.

– Серьезно? – намеренно удивляясь, спросила Самира. – Уже и пожилой матери не стесняется ваша невестка?

– Да уж. Ума нет совсем. Да и что ей, если муж все позволяет.

– А о чем именно они говорили, если не секрет? Извини, конечно, если вопрос неуместен.

– Да брось ты. Что тут неуместного? Обсуждали бурно прошедшую ночь накануне, – закатив глаза, ответила Рабия.

– И-и-и! – со вздохом возмутилась та, прикрыв рот ладонями, намеренно играя возмущение. – Боже. Какой стыд. – Если бы ее лицо выразило ее душевное состояние в тот момент, то оно было бы черное и страшное. Как же ее раздражала эта тема.

– Да уж. Маме, думаешь, приятно слушать, как ее сын с женой с вождением обсуждают такое?

– Конечно! О чем речь? – добавила Самира. – Слушай... – продолжила девушка. – У них такая замечательная дочка Аниса. И умная, и красивая. Но она совсем не похожа на Мурата. Но хоть немного бывают же дети похожи, а она совершенно. Ноль сходства. Ты заметила это? Странно как-то, тебе не кажется? Откуда эти огромные голубые глаза?

– Ой, ну на мать свою чем-то похожа. Глаза, правда, нет. И у нас, и у них в роду нет таких ярко-голубых глаз. Ну, наверное, какая-то игра хромосом. Может, в прошлых поколениях были наши предки с голубыми глазами.

– Это маловероятно, – вырвалось у той. – Но раз ты так считаешь.

– В смысле – считаешь? Я вообще по этому поводу ничего не считаю. И мне все равно, какого цвета глаза у моей племянницы.

«Как же они все горой стоят за нее и ее мать. Что Мурат дрожит над ней, что они», – задумалась Самира.

– А что, у тебя есть какие-то домыслы? – прервала ее мысли Рабия.

– Ам-м-м. Нет, конечно. Я сужу по теории вероятности с точки зрения врача. Нет. Не то чтобы такое невозможно. Редкое явление, я хочу сказать.

– Не знаю. Мне даже в голову не приходила такая мысль. В любом случае она дочь моего брата. А если даже не его дочь, это нам не узнать никогда, – выскочило у Рабии, и тут же, прикрыв рот, она добавила: – Какая же я мерзкая. Как я могла такое произнести? – прикрыв лицо, девушка начала смущенно ругать себя.

– Почему никогда? Тест на ДНК в два счета все разложит по полочкам, – подхватила ее предыдущую фразу Самира.

Рабия посмотрела на нее задумчиво и продолжила.

– А разве у нас есть лаборатория, где такой тест проводят? У нас в регионе, насколько я знаю, нет такого.

– В соседней республике есть. У меня даже знакомый там работает. Артур. А-а... ну не важно, в общем. В универе вместе учились, – моргнув глазом, добавила девушка.

– Мой брат не то чтоб не согласится, он даже меня начнет обвинять, как я посмела так подумать.

– А ты ничего пока ему не говори. И естественно, не говори, что мы с тобой об этом говорили. Я все же не с вашей семьи, и он может неправильно понять.

– Да, конечно. Я и сама знаю, что нельзя сюда вмешивать постороннего. Да и не знаю, как ему сказать об этом.

– Ты даже можешь сказать, что это не мой друг, а твоя подруга работает там. Ну, когда затронешь тему.

Пожав плечами, Рабия замолчала и призадумалась. Затем они молча продолжили доедать свой чай и, сменив тему, немного поговорили о новом поступлении в знакомые бутики.

Ничего не подозревающая Джаннет готовила любимый шоколадный торт для мужа, совершенно не догадываясь о том, что в ее безоблачную жизнь пытаются влезть.

– Папочка придет, обрадуется, когда увидит, что ты для него торт испекла, – с умилением обратилась Аниса к маме.

– Надеюсь, – со вздохом ответила девушка. Следом взяв телефон, стала набирать мужа.

– Алло, Мурат? Ты когда будешь?

– Я пока не знаю. У нас экстренная операция, наверное, задержусь, – ответил он, хотя операция закончилась час назад и они с коллективом, включая Самиру, договорились пойти поужинать в ресторан.

– Да? Ам-м, ну ладно. Удачного проведения операции вам!

– Да, хорошо. Давай.

– Пока, – тихо ответила Джаннет уже в пустоту, так как Мурат положил трубку.

– Папа не придет? – с грустью спросила Аниса.

– Придет, мое сокровище, только позже. У них сложная операция, без него не справятся.

– Но я ведь уже буду спать тогда.

Но Джаннет уже не слышала последних слов дочки. Она молча продолжила возню на кухне.

– Доча, ты посиди здесь, а я пойду отнесу бабушке чай с тортом. Хорошо?

– Аха, – согласилась Аниса.

– А потом мы с тобой попьем чай с тортиком, – улыбнувшись, добавила Джаннет и быстро вышла, стараясь не показывать ей свою тревогу и обиду.

Мурат пришел очень поздно, помолился и лег спать.

«Как же скоротечны счастливые моменты в нашей жизни, – с разочарованием подумала Джаннет, посмотрев на спящего мужа. – То ли это ты такой непостоянный, то ли жизнь переменчива, то ли мы сами наводим сглаз на свою жизнь, испытывая чрезмерную радость от этих минут». Джаннет прилегла, наблюдая за ним, и уснула.

Следующий день начался как обычно. Завтрак, спешка на работу, Мурат ушел, не попрощавшись. Тут Джаннет не сдержала слез. Присев, она тихо стала рыдать.

– Сегодня нужно снять все шторы и постирать! – крикнула свекровь, увидев невестку грустной. – Там, глядишь, и про грусть забудешь.

Джаннет обернулась на женщину, стоящую у двери в кухню.

– Когда работаешь, грустить-то некогда, – добавила та.

Девушка молча продолжила свои дела и закончив на кухне, пошла снимать занавески. Сегодня предстояло сделать много работы.

Каждый день она начинался с мечты открыть свою собственную студию дизайнера одежды. Она прошла курсы несколько лет назад, затем, выйдя на работу в большое ателье, через пару месяцев села дома, так как у свекрови неожиданно подкосилось здоровье и за ней нужен был уход. Хотя женщина самостоятельно могла передвигаться, смотреть за собой, но руки и уход невестки ей понадобились остро именно в тот момент, когда Джаннет только начала осуществлять свои мечты.

Сняв все занавески, Джаннет начала некоторые загружать в стиральную машинку, а некоторые замачивать в ванной, так как машинная стирка была противопоказана таким дорогим тканям. Вывесив все на веревку в саду, она пошла на кухню готовить обед. От скуки и тоски ей

захотелось набрать мужа. Прослушав пару минут гудки, девушка положила трубку. «Наверное, занят, – подумала она. – Перезвонит». Но Мурат так и не перезвонил.

Мурат был своенравным человеком, который мог меняться по мере своего настроения. В любом случае его требования всегда должны были выполняться, несмотря на настроение или условия, притом что он не любил учитывать свои обязательства по отношению к жене или семье. Но Джаннет все вполне устраивало, более того, она и не знала, что бывает по-другому. Чтобы сравнить другие ситуации, ей нужно было знать происходящее между другими парами, чем она совершенно никогда не интересовалась. Даже личные отношения своих братьев с женами ее не интересовали. Она считала неуместным лезть в душу. Ее так воспитали: «Живи и следуй обстоятельствам жизни, выполняя свои обязанности, не смотря на других и не сравнивая свою жизнь с другими». Вот и все. Вся ее жизненная позиция, которую ей внушили. Поэтому даже из-за обид на Мурата она себе долго плакать не позволяла. Вполне возможно, будь на ее месте другая особа с более твердым характером, и Мурат и его семья были бы другими и относились бы к невестке по-другому. Не то чтобы он плохо относился к жене и не любил ее, любил наверняка по-своему, но не настолько, чтоб, например, учитывать ее мнение при решении какого-либо вопроса, даже касающегося их семьи, ребенка или ее самой. Не настолько, чтобы переживать за ее чувства или спешить к ней, зная, как она его всегда ждет.

Глава 5

На следующий день Джаннет с дочкой отправились к ее родителям с ночевкой. Не слишком часто он позволял ей навещать их, основываясь на том, что ее дом уже там, где он, и часто ходить к родителям не статно для замужней женщины. Ее семья очень обрадовалась, увидев Джаннет во дворе. Мама, Амина, племянники направились встречать ее. Брата и отца не было дома, другие братья жили отдельно, но почти каждый вечер собирались у родителей.

Женщины стали все вместе готовиться к ужину. Выпечка, мясное – все готовилось дружно и оперативно.

– Как у вас жизнь, дочка? Какие новости? – между делом обратилась мать к Джаннет.

– Да все как обычно. Хорошо все. Новостей как таковых нет.

– Почему ты мне не сказала, что Анисочка ножку порезала, да еще швы наложить пришлось?

– Не хотела, чтобы ты беспокоилась. Ведь все хорошо с ней, ничего серьезного не произошло, а ты беспокоилась бы, не видя ее, – спокойно объяснила Джаннет матери.

– Я хочу знать, тем более о таких ситуациях. Как здоровье Айшат? Она ходит? Как ее ноги?

– Так же. Неплохо.

– Она старая женщина, Джаннет, здоровье у нее уже не то. Смотри за ней хорошо, она тебе вторая мать.

– Мать ведь и относиться должна соответственно – искренне, с добротой, – вырвалось у Джаннет.

– Разве она плохо к тебе относится? – удивленно спросила Асият.

– Нет-нет, – словно очнувшись, ответила Джаннет. – Лучше, чем могло быть.

– Ты ничего не скрываешь? У тебя точно все хорошо? Ты мало говоришь всегда. Мы мало с тобой общаемся, дочка.

– Нет, мамочка, все у меня хорошо. Не переживай, – с улыбкой добавила девушка.

Джаннет не привыкла жаловаться. К тому же и причин-то не было, как она сама считала. Все, что, в принципе, нужно для жизни женщины, у нее было, ведь здесь немного другие порядки. Здесь законы установили горы много веков назад, и ей оставалось только подчиняться этим законам, корни которых уходят глубоко в историю предков.

К вечеру собрались все братья, отец, невестки, племянники и племянницы. У старшего были две дочки, у второго два сына и двое у Рустама: мальчик и девочка.

Семья общалась за ужином. Кто-то шутил, кто-то просто общался, все проводили время весело.

Тем временем, узнав, что Джаннет нет дома, Рабия поспешила навестить мать и брата. Разговор Самиры посеял сомнения в ее голове, чего та и добивалась. Не зная, с чего начать тему, она начала говорить сначала про мать, ее здоровье. Слово за слово, и каким-то образом разговор перешел на группу крови всех членов семьи. Перечислив группы свою, матери, сестры, она перевела разговор на брата, спросив, какая группа крови у него. Он сказал, что у него 1-я положительная. Тогда Рабия перешла на Джаннет и Анису.

– У Джаннет я не помню, если честно, а у Анисы 2-я отрицательная, – недоумевая, к чему весь этот разговор, ответил Мурат.

– У девочки кровь совершенно не совпадает с твоей. Она на тебя ничем не похожа, – невинно добавила сестра. – Огромные голубые глаза, как у нашего ассистента Али. А-ха-ха, – рассмеялась Рабия.

– Что у тебя за темы, дочка? – одернула ее мать.

Девушка перевела тему, обращаясь к матери. Все сидели спокойно на стульях на веранде. И только Мурат, обеспокоенный, призадумался. Чуть позже мать поднялась со стула и зашла в дом, на веранде остались только брат с сестрой

– О чем ты задумался? – спросила она парня.

Мурат как будто, смотря в никуда, не услышал ее вопроса.

– Мурат. Мура-ат!

– А? – спросил он.

– О чем задумался, я спросила?

– Да так... Ты знаешь, а ты не первая мне говоришь об этом, – с какой-то немалой тревогой сказал он.

– О чем? – как бы не понимая, о чем речь, спросила Рабия.

– О том, что Аниса совершенно не похожа на меня. Совсем другая и т. п.

– Ты знаешь, Мурат, ты не подумай ничего такого, я просто как-то призадумалась. Больше всего боюсь, что моего единственного брата унижат.

– Нет, ты тут ни при чем. Я сам тоже об этом думал с недавних пор.

Рабия озадаченно посмотрела на него:

– И ты думал?

– Да. И я думал. Выяснить бы... – промолвил он и остановился.

– Что ты хочешь выяснить? – спросила она.

– Ничего, ничего. Закрыли... – прервал он разговор.

– Ты... Про... м-м-м. ДНК-тест?» – несмело спросила Рабия.

Он резко посмотрел на сестру в недоумении. «Откуда у нее такие мысли и знания?» – подумал он.

– У тебя, я вижу, есть опыт в этом деле? – кинул ей брат.

– Нет, конечно. Просто я точно знаю, что на этот вопрос сможет ответить только этот тест.

– У нас не делают его, – разочарованно сказал он.

– В соседней республике делают. И нам повезло, в очень хорошей платной лаборатории работает моя давняя подруга. Мы в университете учились с ней вместе, – Рабия точь-в-точь повторила слова Самиры.

Парень задумчиво долго смотрел на нее, казалось, ему было мерзко от самого себя, что он мог так подумать о своей жене, и ему было стыдно признаться в этом сестре.

– Почему бы и нет, – переборол он себя. – В конце концов, мы ничего не теряем, а у меня развеяться сомнения. Да и Джаннет об этом незачем знать.

– Ты очень умный, братишка, – с улыбкой сказала Рабия, положив ладони на его лицо. На ее лице так и светилось чувство победы.

На следующее утро, когда Джаннет была уже дома, Мурат распечатал шприц, чтобы взять кровь у дочери.

– Зачем ты это делаешь? – спросила Джаннет.

– Хочу проверить кровь на столбняк, – резко ответил Мурат, зная, что вопросов больше не последует. – И твоя нужна будет – несколько кубиков.

Девушка даже и не подумала возмущаться или переспрашивать. Она считала, раз Мурат так делает, значит, так надо.

Взяв анализы Анисы и Джаннет, в машине набрав свою кровь, он направился в клинику, где работала сестра. Передав ей кровь и документы, он поехал на работу. Тем временем Рабия сразу набрала подругу, чтоб сказать, что кровь у нее и нужно действовать. Самира чуть не захлебнулась от неожиданности. Она совсем не ожидала такого быстрого результата.

– Да, конечно. Я сейчас же подъеду, – сказала она и тут же выехала из клиники навстречу подруге.

По дороге, выходя из своей клиники, неудачно, как она сама подумала, она встретила Мурата, который заходил в клинику.

– Ты куда так спешишь? – изумленно обратился он к ней.

– Ам-м-м... Я... Забыла, что должна была встретить сестру из аэропорта. А самолет уже прилетает вот-вот. – Конечно же, она на сто процентов знала расписание рейсов самолетов, когда врала ему. Она больше всего боялась, что он сопоставит время ее ухода и его передачи анализов и заподозрит ее в участии в этой грязной (как он еще не знает) игре.

– А, понятно. Ну давай беги скорее. Опоздаешь.

– Мурат! – крикнула она вслед.

– Да?

– Ничего, если я сегодня не приду на работу? Сам понимаешь, сестренка прилетает. Мы давно с ней не виделись.

– Ладно. Сестра – это святое. Отдыхайте, – добавил он и направился в клинику.

Самира еще какое-то время стояла и смотрела ему вслед с легкой ухмылкой на лице, как будто сама была восхищена своими действиями и умом. Потом ехидно сказала себе:

– Подожди, Самира, еще немного. Скоро будешь ликовать от своих побед.

Она быстро села в машину и направилась к подруге. Она и не думала, что ей даже платить не придется за этот дорогой тест. Все организует Рабия.

Не откладывая, девушка сразу поехала в другую республику для проведения теста. Ехать ей нужно было примерно 2 часа, но было утро, поэтому времени у нее было достаточно. Недалеко от пункта назначения она остановилась около уличного кафе, где люди сидели «чаевали» прямо на улице под козырьком. Приглядевшись, она остановила свой взгляд на молодом светлом мужчине, сидящем за столиком.

– Пойдет, – сказала она сама себе вслух.

Дождавшись, пока он закончит свое чаепитие и уйдет, Самира быстро подошла к столику и взяла его стакан, затем завернула его в заранее приготовленный пакет и положила в сумку. Довольная и счастливая, она села в машину и продолжила свой путь.

Доехав до клиники, где находилась та самая лаборатория, она обратилась в регистратуру по поводу сдачи анализов и попросила позвать одного человека, который работает здесь. Это оказался молодой человек, бывший ее ухажер, который до сих пор питал самые теплые чувства к ней. В общем, это был тот самый друг из университета, работающий в лаборатории. Самира сделала обеспокоенное, взволнованное лицо и обратилась к нему:

– Здравствуй, Артур. Очень рада тебя видеть. Послушай, у меня тут небольшая проблема произошла. Ты не мог бы мне помочь? – умоляюще попросила Самира.

– Все, что смогу, непременно сделаю для тебя. Ты же знаешь, моя дорогая, – ответил он.

– Меня мои родственники попросили сделать тест на ДНК, но шприц с кровью отца я случайно уронила и повредила, а кровь вылилась до капли, но у меня есть стакан, из которого он пил. Ты не мог бы по нему тест провести? Тест проверки отцовства.

– Ну да, в принципе, это возможно. Но нужно согласие этих людей.

– Моего присутствия тебе недостаточно разве? Ты мне не веришь? – оскорбительно спросила Самира. Она не могла допустить того, что у нее не получится выполнить задуманное. И ей любыми путями нужно было уговорить его.

– Они мне дали свои удостоверения личности. Этого недостаточно?

– Вообще-то, нет. Но тебе достаточно, – улыбнулся Артур и протянул руку, чтобы забрать материал и документы.

Когда он скрылся, Самира едва себя сдерживала, чтобы не запрыгать от счастья.

Через некоторое время Артур появился в коридоре.

– Наши самые опытные специалисты занимаются тестированием, и я сказал все сделать ускоренно, – обратился он, не дожидаясь вопросов.

Самира подошла к нему с улыбкой на лице, мягко положив ладони на его щеки и произнесла:

– В твоей доброте, отзывчивости и уме я никогда не сомневалась, дорогой.

Артур покраснел, и его улыбка так расширилась, что, казалось, уголки рта сейчас коснутся ушей. Через несколько часов объявили об окончании процесса. Артур направился в лабораторию и через несколько минут вышел с бумагами, которые уже собирался запечатать в конверт. Но Самира остановила его.

– Позволь мне? – произнесла она, положив руку на его руку. – Я просто взгляну.

– Здесь совпадений на 0,001 процентов. То есть отцовство отрицательное. Кто бы он ни был тебе, но этому ребенку он не отец, – твердо пояснил Артур.

Его слова звучали как музыка в ее ушах. «Вот это шанс», – подумала она, пытаясь, насколько возможно, не показывать ему свое счастье.

Затем он запечатал конверт и вручил его Самире.

– Сколько я должна за тест? – невинно спросила Самира, открывая кошелек.

– Ты меня оскорбить пытаешься? – возмутился он.

– Что? Прости! Какое оскорбление? За услугу надо платить, – с наигранным возмущением сказала Самира.

– Я договорился, все нормально. Не переживай, родная. И, кстати, в других случаях тебе пришлось бы ждать не менее суток, но тут, как понимаешь, я все решил.

– Ты лучший, Артур, но что значит «договорился»? Ты обязан взять за услугу.

– Я сказал, что в услуге нуждается девушка моей мечты. Любовь всей моей жизни. Мне не пришлось ничего добавлять. Наши девочки с радостью сделали это дело для нас, – с довольным лицом сказал Артур.

– Для нас? А-ха-ха! – улыбнулась она. – Для нас. Что ж, спасибо тебе и девочкам большое. Отдам деньги обратно.

– Тебе совсем необязательно говорить, что тебе сделали тест бесплатно, и отдавать деньги обратно. Ты и так сделала услугу им. Отвезла, привезла.

– Ой, ты что. Я не смогу так. Совесть не позволит. Ты же меня знаешь. Тем более это мои хорошие друзья.

– Да. Действительно, как я мог тебе предлагать такое, зная тебя. Ты моя идеальная.

– Ладно, мой хороший. Мне пора. Ты очень-очень мне помог. Спасибо тебе большое. Пока.

Послав парню воздушный поцелуй, Самира скрылась за углом коридора, не дав себя проводить.

Довольный, с улыбкой до ушей Артур вернулся к делам с большим настроением и удовольствием.

Самира, довольная счастливым исходом событий, мчалась со скоростью, желая быстрее оказаться у порога клиники своей подруги Рабии. Подъехав к клинике, она решила сначала позвонить ей, чтобы узнать, есть кто лишний с ней рядом. Убедившись, что Рабия одна, она направилась в ее кабинет.

– Так быстро? – удивилась та. – Время только четыре дня.

– Пришлось задействовать все свои возможности, ну и доплатить немного, чтоб быстрее дали результат и чтоб не пришлось повторно ехать туда на следующий день, – быстро прострочила Самира.

– Сколько тебе пришлось доплатить, скажи, я отдам.

– Рабия! – хлопнув себя по лбу с преувеличенным возмущением, воскликнула она. – Ты так и не узнала истинность моего сердца.

– Ну Самира, ты же такой путь проделала, затраты на бензин, доплатила за анализ. Ну сколько я тебе должна?

– Да копейки это, всего пару тысяч, – махнула рукой девушка.

– На. Возьми, пожалуйста. Прошу, ради меня. Ты не обязана. Давай, я настаиваю. Ты и так столько делаешь для нас.

– Ой, Рабишка моя, только чтоб ты ничего не подумала. А ведь по факту мне зачем это все надо было? Я все сделала ради тебя, ты знаешь.

– Конечно, знаю, – улыбнулась Рабия.

– Только давай лучше никто не будет знать, что анализ ездила сдавать я. Хорошо? Твоя сестра особенно! – попросила Самира.

– Почему «особенно»? – засмеялась та. – Вы взаимно, я вижу, не доверяете друг другу! – ухмыльнулась она.

Самира подметила ее мысль и, чтоб не давать подозрений, тут же стала отрицать:

– Да не-е-ет. Что ты? Лучше, чтобы меньше людей знали. Не хочу быть причастной. Я только ради тебя поехала.

– Хорошо. Договорились. Я – могила, – сказала Рабия, пальцами проведя по рту, имитируя закрывание молнии. – И... Я сегодня не буду отдавать конверт брату. Уж слишком быстро получен результат. Не хочу сеять сомнений в его голове.

– Правильно, ты совершенно права, – согласилась Самира. – Ладно, я поеду в клинику тогда, хоть сегодня у меня отгул, но, раз освободилась пораньше, помогу коллегам. – Конечно же, ее совершенно не волновали ее коллеги, кроме одного, в компании с которым она никогда не упускала возможности провести лишнюю минуту.

По дороге в клинику Самира была обеспокоена. Она переживала, что Рабия передумает и не отдаст конверт Мурату. Вдруг вскрыет его и не решится, боясь последствий. Все эти мысли не давали покоя девушке. Прибыв на место, она привела себя в порядок, убрав волнение и сделав уверенное выражение лица, направилась к входу.

Стуча каблуками, она пошла по коридору в кабинет. Мурат услышал за дверью стуки каблучков, в которых сразу узнал походку Самиры.

«Вернулась?» – подумал он с неожиданным для себя волнением.

И с этими его мыслями Самира вошла в кабинет с широкой улыбкой на лице. Их взгляды долго были направлены друг на друга. Мурат впервые почувствовал волнение при виде этой девушки и какую-то тягу к ней.

– Ты почему вернулась? Ты же отпросилась на весь день.

– Да... Я... не собиралась приходить, но мама меня поругала, сказав, что несерьезно отношусь к работе. Говорит, сестра никуда не денется, езжай на работу, неудобно перед Муратом, все на него взвалила. Буквально вытолкнула меня из дома.

Мурат улыбнулся во весь рот, долго смотрел на нее, потом, одернув себя, добавил:

– Ну что ж. Прекрасно. Давай тогда поработает немного.

Самира присела рядом и взялась за бумаги. Через пару минут она подошла к столу Мурата с папкой, положила ее перед ним, и, подойдя близко, наклонившись к нему, демонстративно фигурируя своей пышной грудью, стала показывать ему некоторые вопросы, которые якобы были не совсем ей понятны. Тыкая пальчиком в строки, листая страницы, она как бы случайно нежно взяла его руку, что не «давала» перевернуть страницу, и аккуратно убрала ее. Мурат машинально поднял взгляд на ее лицо и задержал его на нем. Самира, будто не замечая этого, продолжала свои разговоры, немного жестикулируя с харизмой. Парень не отводил от нее взгляда, здесь им руководило уже мужское вожделение, также в этом помогли запах дорогих духов и привлекательная внешность девушки, ну и ее талант по соблазну.

Он резко встал, оказавшись прямо перед девушкой, а точнее, уже над ней, так как был гораздо выше ее, они немного постояли, смотря друг на друга, затем он быстро вышел из кабинета. Самира непроизвольно улыбнулась и с коварным взглядом посмотрела ему вслед, а затем

и в зеркало, висящее на стене. «Я сама с себя балдею, – подумала она. – А что Мурат? Мужчина, который так же любит красоту, как и все мужчины», – и пошла за свой столик.

Вечером, вернувшись домой, Мурат отказался от ужина и прилег в комнате. Закончив дела, Джаннет зашла за мужем, обеспокоенная его поведением.

– Что-то случилось на работе? Неудачный день? – поставив поднос с чаем на прикроватный столик, спросила она, присев у его ног.

– Нет, – коротко ответил Мурат.

– Ты ужинал где-то? Почему отказался от ужина?

– Я не голоден.

– Я приготовила твой любимый салат и плов. Может, поешь?

– Позже, может быть. Не сейчас, – отказался он. – И чай унеси. Не буду.

– Ладно, – тихо прошептала Джаннет. Вставая, она прихватила поднос, но стоило ей выпрямиться, как тут же, рухнула на землю от головокружения и потеряла сознание.

Мурат вскочил. Схватив жену на руки, он положил ее на кровать. Он не на шутку испугался.

– Джаннет! Джаннет! Джаннет, очнись! – пытался он привести ее в чувство. Он принес ей воды, немного смочил руку и провел по лбу и щекам. Парень уже собирался вызвать скорую, как Джаннет начала приходить в себя.

– Что со мной произошло? – промямлила девушка.

– Ты упала в обморок. С тобой все в порядке сейчас?

– Ага. Голова кружится. Не пойму, что со мной.

– Переутомилась наверняка, – вытерев ее лоб полотенцем, с состраданием ответил он. – Ложись спать. Тебе нужно отдохнуть. – Взяв одеяло, Мурат собирался укрыть Джаннет, когда она, опустив ноги на пол, попыталась встать и снова пошатнулась.

– Ложись. Делай, что я тебе говорю. Ты иссякла вся.

– Мне нужно убрать со стола. Стол как был накрыт, так и стоит.

– Оставь. Все это ерунда. Завтра повезу тебя к врачу.

Он вышел из комнаты, а спустя 20 минут вернулся со сладким чаем и фруктами.

– Что ты там делал? – спросила Джаннет.

– Поел мой любимый салат и плов, убрал со стола и сделал тебе чаю, – бодро ответил он.

Джаннет улыбнулась:

– Не стоило убираться. Я бы сама. Я и так собиралась встать.

– Никто отсюда сегодня уже не выйдет, – сказал он и поставил поднос на ее столик.

– Спасибо, Мурат. Мне неловко как-то.

– Почему?

– Ну, ты не обязан этого делать, – засмушалась Джаннет.

– Я не могу немного поухаживать за своей женой? – с улыбкой удивленно спросил он.

Джаннет улыбнулась и принялась пить чай.

– М-м-м. Как знал, какой я люблю, – причмокивая, сказала она.

– А я знал... – Немного помолчав, он продолжил: – Я знаю, какой ты чай пьешь, какое блюдо любишь, все твои предпочтения и привычки я знаю.

Она повернулась и, долго смотрев на него, сказала:

– Я думала, что ты ничего обо мне не знаешь и тебе это совсем неинтересно знать.

Мурат улыбнулся:

– Меньше думай о таком. Если я не говорю о чем-то, это не значит, что этого нет, – уверенно сказал он и прилег на свою подушку.

Он был достаточно скрытен в своих чувствах, но сочувствие, понимание и сострадание у него были. Один минус был в его характере: это то, что его легко было переубедить и настроить против другого человека. Он был слишком доверчив.

Утром они поехали к врачу. Обследовав девушку, сделав УЗИ, врач успокоила молодых, что ничего страшного с Джаннет не произошло, так как беременность – это не болезнь.

Когда Джаннет вышла из кабинета и показала результаты УЗИ, парень удивился, так как даже забыл про вероятность беременности и ему разные мысли лезли в голову, к тому же мужчинам этих краев не принято было прилюдно выдавать свои эмоции в таких случаях, и он воздержался.

В машине он немного раскрыл свои эмоции, а по его лицу непроизвольно прошла.

– Хвала Всевышнему! – сказал он. – Я уже подумал, что что-то со здоровьем. Хвала Всевышнему. Аллах облагородил нас такой прекрасной новостью. У меня будет сын! – Он даже на эмоциях поранил руку, сделав резкое движение в сторону и задев немного отколотую ручку двери, и не заметил этого. Зато Джаннет заметила и протянула ему свой платок из сумочки. Приложив его к порезу, он сразу отдал испачканный платок ей обратно, а она невольно сунула его в карман своего кардигана.

– А вдруг девочка? – ухмыльнулась Джаннет.

– Пусть девочка. Моя же. Главное, чтоб здоровая была.

Мурат радовался как мальчишка. Он и забыл о своем разговоре с сестрой о тесте. Все было так естественно и искренне. Они были очень счастливы.

– Не утруждай себя слишком, тяжелое не поднимай. Все эти дела не стоят здоровья моего сына. Я хочу, чтобы он родился крепким и здоровым, – обратился он к ней дома.

Джаннет улыбнулась, не стала спорить с мужем, хотя понимала, что, когда весь дом на ней, ей сложно будет придерживаться его просьб, но он этого не поймет сейчас.

– Ладно. Я поехал тогда. Что-нибудь купить тебе? Может, чего-то особенного хочется?

– Нет, спасибо, Мурат. Пока ничего, – с улыбкой ответила она. – Да будет доволен тобой Аллах.

Мурат поспешил на работу, так как уже опоздал, а Джаннет сразу принялась за дела.

– Куда же это вы ездили с утра? – спросила свекровь.

– Ам-м-м. Мы должны были сдать анализ Анисы, – ответила Джаннет. Девочку они отвезли с утра в детский сад, поэтому можно было предположить, что выезжали они по ее делам. Девушка чувствовала такую неловкость, что ей пришлось сказать неправду, но сказать как есть ей было вдвойне неловко.

– Приготовь нам побольше мясного, ко мне сестра придет с семьей.

– Хорошо. Приготовлю.

– И чего-нибудь испеки к чаю.

Джаннет принялась за дела, а старуха пошла в комнату. У девушки было хорошее настроение, поэтому ей все дела давались с легкостью.

Мурата ждала операция. По приезду в больницу он даже не успел поздороваться с персоналом, как сразу направился в операционную.

После многочасовой операции мочевого пузыря уставший парень вышел из операционной.

– Сколько операций сегодня? – спросил он у ассистента. – Плановых много?

– Еще одна на два часа дня, и пока все. Если экстренно никто не поступит.

– Хорошо. Немного отдохну в своем кабинете, потом зайду в ординаторскую, обсудим проделанную работу, – обратился он к персоналу и ушел.

Через короткое время в кабинет постучались, у двери появилась Самира. Улыбнувшись, она спросила:

– Как себя чувствуешь? Все нормально? – она как бы изучала его поведение, пытаясь узнать, передала ли ему сестра конверт.

– Да! Лучше некуда, как говорится, – ответил он.

– Хорошо. Это очень хорошо. Ладно, не буду беспокоить, отдыхай, – девушка вышла. Парень, опрокинувшись на спинку кресла, немного задумавшись, задремал.

К концу дня, когда весь персонал, кроме дежурных врачей, ушел, собрался уходить и Мурат. Выходя из здания, у выхода медсестра передала ему конверт, сказав, что ее просили передать ему лично. Прочитав обложку конверта, он понял, откуда он, вспомнив разговор с Рабией. Уверенный на все сто процентов, что тест на отцовство положительный, он бросил конверт на переднее сиденье машины и уехал домой. Дома его ждали, как всегда, вкусный горячий ужин и всегда жизнерадостная дочка, которая снимала всю усталость и стресс после даже короткого общения с ней.

– Как прошел день? – спросил он у жены.

– Отлично. Были гости – мамина родня. Хорошо пообщались, мама получила кучу положительных эмоций, сейчас уже спит. В общем, все, как обычно, хорошо, хвала Всевышнему. А у тебя как?

– Тоже нормально. Было две сложных операции, много поступлений с незначительными проблемами.

– Пойду накрывать тогда?

– Ага, – улыбнулся он.

Джаннет скрылась за дверью. Мурат остался в комнате и стал общаться с дочкой:

– Что вы сегодня делали в саду? Что ты сегодня нарисовала для папы? – обратился он к дочке и стал щекотать ее. Девочка хохотала, затем вскочила с дивана и двинулась убежать.

– Куда побежала? А ну-ка вернись сюда! – направился он за девочкой. – Я тебя догоню все равно.

Впопыхах Аниса забежала в кухню.

– Мама, мамочка, спрячь меня, пожалуйста! – быстро проговорила девочка.

– Что такое, что ты кричишь? – повозмущалась бабушка из своей комнаты.

– Аниса, ну что ты так мчишься? – обратилась к ней мама.

– Куда делась эта девчонка? Если я ее пойма-а-аю, ей мало не покажется! – симитировал гнев отец и начал делать вид, что ищет ее.

Аниса молча сидела под столом, еле сдерживая смех, прикрывая ротик ручками.

– Та-а-ак, за дверью нет, за шкафом тоже. Куда же она подевалась? А-а-а! Может, под стол забралась? А ну-ка! – произнес он громко, приподнимая скатерть. – Ага-а-а! Попалась! Иди-ка сюда... – потянул он девочку к себе.

– Нет, нет, не поймал, не поймал, – хохочет Аниса.

Он поднял ее над своей головой и начал слегка подкидывать вверх. Все смеялись и радовались. Семья была такой счастливой, что, казалось, ничего не сможет помешать их счастью.

Они поужинали. Джаннет закончила на кухне и зашла в спальню.

– Как твое самочувствие? Ты хорошо себя чувствуешь, ничего не болит? – заботливо спросил он жену.

– Да, хорошо. Не болит ничего, хвала Аллаху.

– Хорошо, хвала Всевышнему! Самое главное, чтобы вы оба были здоровы, остальные трудности можно пережить... – Погладив ее по щеке, он лег.

Глава 6

Утром позавтракав, Мурат направился к машине, Джаннет пошла его провожать. Когда он сел в машину, девушка подошла с другой стороны, с передней двери.

– Желаю хорошего дня тебе! – пожелала она ему. – И не задерживайся на работе. Мы с Анисой скучаем, когда тебя нет.

Парень мило улыбнулся.

– Хорошо. Постараюсь, – ответил он.

– А что это за конверт? – спросила она с удивлением и протянула руку через окно, чтоб взять его.

Парень перехватил конверт и растерянно ответил:

– Мне вчера передали. Еще не открывал. Похоже, с налоговой.

– А-а. Понятно. Ладно, не буду тебя задерживать. Удачной дороги!

Он завел машину и тронулся.

По дороге мысли не оставляли его, он чувствовал вину за доверчивость Джаннет к себе и за свое сомнение в ее честности. «Не буду даже открывать конверт», – подумал он. В этот момент у обочины дороги стоял голосующий, в нем он узнал коллегу и посадил его. Не заметив конверт на сидении, тот сел прямо на него. Доехав до больницы, они вышли, но, вставая с сидения, его коллега случайно скинул его на пол автомобиля.

Как и в обычные будние дни, день проходил активно, полным работы. У Мурата было много дел в кабинете, поэтому он не выходил оттуда, как только вошел туда после завершения операций. Без его участия как опытного и квалифицированного хирурга не проводили ни одну операцию. Чуть что – сразу вызывали его. И к концу рабочего дня он очень устал, что было совсем не удивительно.

Сосредоточенный на бумагах, он не оставлял мыслей о Джаннет. Невинная, доверчивая и такая отзывчивая она заставляла чувствовать вину за то, что он посмел подумать, что она могла быть нечестной.

Самира наблюдала за ним целый день, пытаясь понять ход его действий и мыслей.

«Неужели он так спокойно воспринял такую весть? – не переставала она себя спрашивать. – Или не поверил? Ах! О боже, неужели перепроверил тест? – испуганно подумала она, машинально прикрыв рот рукой. – Нет, тут что-то не то. Как бы узнать? Ведь Рабия отправила ему конверт, я знаю точно, – размышляла она.

– Я сегодня пораньше уйду домой, – обратился Мурат к персоналу.

– Снова гости собираются? – как бы не интересуясь, спросила Самира.

– Нет. Просто надо. Операций не назначено, а с остальным, я думаю, вы справитесь.

Девушка, улыбнувшись, кивнула головой. Все, конечно, согласилась.

Мурат направился домой, но по дороге решил заехать на автомойку, чтоб помыть машину. Когда он ждал на улице, пока мыли его машину, к нему подошел мойщик и протянул конверт, который, как он сказал, поднял с пола под передним сиденьем. Парень взял конверт и уже собирался положить его в пиджак, как решил открыть без какого-либо чувства любопытства.

Но какова была его реакция, когда он увидел результаты теста, показанные на бумаге. Он сначала подумал, что неправильно прочитал. Перечитав заново, у него закружилась голова, он почувствовал одновременно, как земля уходит из-под ног, а волосы встали дыбом. Если бы его увидели в этот момент, то подумали, что с ним произошел удар, так как он был бледно-серого цвета. Он убрал бланк с анализами с глаз, в его глазах были растерянность и замешательство. Он не понимал, что происходит, одновременно понимая серьезность ситуации и был разбит. Ему и в голову не пришло, что это может быть ложью, но и то, что было на бумаге,

также не укладывалось у него в голове. Парень метался из стороны в сторону, размышляя, что делать и как поступить. Он бы подумал, что ребенка случайно подменили, но тестирование провели и на мать с ребенком, результат материнства – сто процентов положительный. Джаннет является матерью Анисы, но, как показано в тесте, он – нет. Эти нули стояли у него перед глазами, даже когда он их закрывал. «Это невозможно! Невозможно! Невозможно!» – отрезал он себя мыслями. Затем резко направился на мойку, отдав деньги за машину мойщикам, сел в еще намыленный автомобиль и рванул домой. По дороге он набрал Рабию.

– Рабия, что за клиника, в лаборатории которой проводили тест на ДНК? Это достойное заведение? Есть ли у них промахи в тестированиях, в рейтингах?

– Братишка, добрый день, во-первых. Что случилось? Ты что такой взволнованный?

– Ты можешь мне ответить или нет?

– Хорошая клиника. Можешь пробить в интернете. На конверте и в подписи написаны данные клиники. А что случилось, Мурат?

Но он уже отключился. Посмотрев рейтинги и характеристики клиники и лаборатории, у него не осталось сомнений. «Тест правильный, как бы мне этого ни хотелось, – подумал он.

Джаннет подметала во дворе, когда со звуком колес машина остановилась у ворот. Удивленно она выпрямилась и направила взгляд на калитку.

«Что могло случиться?» – напряглась она, не подозревая, что вся «буря» направляется именно к ней.

Мурат с силой и резким движением открыл калитку, его взгляд был настолько разгневан, что глаза были наполнены кровью. Он сначала онемел, смотря на жену с гневом и ненавистью, затем очнулся и направился быстрым шагом к ней. Джаннет едва успела спросить, в чем дело, как он ее схватил за предплечье и повел в дом. Она не успевала за его быстрым шагом, и ей пришлось бежать вприпрыжку. Зайдя в комнату, он бросил ее в сторону кровати и вытащил конверт из пиджака.

– Мурат, не пугай меня, что случилось? В чем дело?

– Что ты мне сможешь сказать на это? А? У тебя будут аргументы на эти факты? Или невинно и мило будешь оправдываться и лгать? А? Скажи мне, пожалуйста, разве не сложно всю жизнь вести игру милой и невинной? А? Скажи. Ответь, я сказал! Ответь немедленно! Не трудно всю жизнь фальшиво улыбаться, прикидываясь ангелом? А? А? – тыкая конвертом ей в лицо, орал он так громко, что Джаннет непроизвольно прикрыла уши руками.

– О чем ты? Я не понимаю. Что я сделала? – не понимала она.

– Ты дешевая и лживая тварь. Кто этот подонок, с которым ты шаталась? Кто этот ублюдок, я спрашиваю тебя? Я убью и тебя, и его!!! – Мурат говорил все громче и громче.

– Что! Что ты сказал? Ты вообще о чем?

– Ты не понимаешь, госпожа невинность, о чем я? Хорошо, я сейчас тебе все объясню. А точнее, покажу. Смотри внимательно. Любая ложь рано или поздно раскроется. Ты, наверное, этого не ожидала? Не ожидала? А? Ты, наверное, думала, что всю жизнь сможешь обманывать этого олуха, – Мурат ухмыльнулся. – Но не такой уж я и олух, как тебе кажется, женушка.

Открыв конверт и развернув лист, девушка сначала вообще не поняла, что это. Она долго рассматривала бланк, не понимая, о чем текст.

– Что это, объясни мне? Что за цифры?

– Да-а-а! Притворяться у тебя получается на все сто. Ты молодец. Ты не понимаешь, что это? Это факты на то, чтобы я, наконец, открыл глаза, дорогая. Тест на отцовство, который показал стопроцентно отрицательный результат на мое отцовство и стопроцентно положительный результат на твое материнство, – ухмыльнулся он со злостью в глазах. – Нагуляла дочь и подсунула мне, мразь. Падшая мразь.

Джаннет заново прошла глазами по бумаге.

– Это шутка какая-то? Ты наверняка шутишь. Ты как смеешь говорить про свою дочь такое? Никогда не смей так унижать меня. Обвинять в том, что мне и во сне не снилось.

Мурат рывком схватил ее за шею, прислонил к стенке, и, сжимая руку, добавил:

– Я действительно похож на шутника? Я похож на того, кто намерен шутить? А? Похож?

– Отпусти меня! – прохрипела Джаннет.

– Ты дешевая тварь. Как ты посмела после всего лечь со мной в постель и смотреть мне в глаза? А? Как ты посмела, я спрашиваю?! Мразь! – Мурат, не жалея слов, разбрасывался оскорблениями. Отпустив ее шею, он схватил ее волосы.

– Кто ты? Что ты еще от меня скрывала?

Джаннет разрыдалась. У нее был шок. Она не понимала, как это, откуда эти данные. Девушка, не способная даже посмотреть в глаза другого мужчины, не понимала, как он мог ее обвинять в такой мерзости.

– Мурат, Мурат! – обрывался ее голос от рыдания. – Это неправда! Это неправда! Это неправда! – только это могла повторять она, не находя больше слов. – Мурат! Пожалуйста! Прошу! Ты мне делаешь больно!

– Пять лет! Пять лет ты врала мне, глядя в глаза! Скажи мне, Джаннет, тебя совесть совсем не мучила? А? Выдавать чужого ребенка за моего. У меня в голове не укладывается... – Он отошел в сторону и, отвернувшись, продолжил: – Ты не подумала даже о своей дочери, что ты и ее предатель. Ты, мерзкая эгоистка, думала только о себе. Только свои похотливые интересы учитывала.

– Мурат, что ты говоришь? Аниса твоя дочь! Твоя! – навзрыд прокричала она. – Как у тебя язык поворачивается такое говорить про это невинное дитя, которое в тебе души не чает? Как твое сердце позволило это произнести твоему языку? – продолжая рыдать, обращалась она к мужу. – Неужели ты совсем не думаешь о дочке, которая тебя любит даже больше меня?

– Ты решила меня дочкой взять, да? – обернулся он. – Твоей дочке, твоей! – крикнул он. – Думать о твоей дочке. А о твоей дочке незаконнорожденной я думать не должен! – добавил он жестко.

– Мурат! Не говори так, не говори. Прошу! Не оскорбляй это невинное дитя! Она этого не заслужила! Она невинна, – Джаннет отрывисто обратилась к Мурату. Слезы так и лились из ее глаз, она не могла их остановить. Джаннет было больно за свою дочь, о которой он так говорит, которую так быстро вычеркивает из своего сердца и жизни. От этой обиды ее слез было все больше и больше. – Аниса не заслуживает таких слов, Мурат, прошу тебя. Остановись!

– Да! – кивнул он утвердительно. – Сейчас не заслуживает. Но в будущем, несомненно, пойдет по стопам своей матери. Станет такой же, как и ее мать.

Джаннет в ужасе, ни на минуту не переставая рыдать, кинулась в его сторону, пытаясь своими маленькими кулаками бить его в грудь.

– Что ты говоришь? Как ты можешь? – еле понятно от слез говорила она, схватив его за рубашку и продолжая плакать. – Не смей. Не смей! Слышишь? Не смей так говорить про мою девочку! Не смей!.. – Она замолчала, так как не могла говорить из-за комка в горле. Мурат оторвал ее руки от себя и дерзко кинул ее на кровать.

– Не смей ко мне прикасаться своими грязными руками.

Повернувшись, он направился к выходу, затем, остановившись, добавил:

– Собирай все свои вещи, я отвезу тебя в дом отца.

– Что? Как? Какой дом отца? – Джаннет начала рыдать. – Зачем? Мурат, не надо! Прошу тебя! Прошу, Мурат! – не переставая плакать навзрыд, Джаннет умоляла его. – Мурат, прошу! Они не выдержат. Мама не перенесет этого. Это неправда. Я не изменяла тебе! Прошу тебя! Умоляю! Я опозорюсь без вины! Мурат, ради Всевышнего умоляю тебя!

– Когда ложилась под него, не подумала о матери, об отце? А? Когда наслаждалась в его объятиях, не думала, что будешь опозорена? Конечно, ты не думала. Тогда ты не думала ни о чем, кроме наслаждения в объятиях своего любовника.

– Мурат, нет ничего такого. Я никогда не изменяла тебе, умоляю, поверь мне! До меня даже не дотрагивался посторонний мужчина. Никто, кроме тебя. Клянусь. Клянусь всеми святыми. Я умоляю тебя, выкинь эти мысли, поверь мне.

– Я верю фактам! Тема закрыта!

– Это ошибка, какая-то ошибка произошла. Прошу, не отвози меня домой, не позорь меня. Они убьют меня. Я сама не выдержу, – умоляла Джаннет, не переставая рыдать, вытирая слезы.

– Я тебе даю полчаса собраться! – вышел он, хлопнув дверью.

У Джаннет началась истерика. Она не могла остановить слезы, рыдая без остановки.

Спустившись вниз, он зашел на кухню, где Аниса сидела за столом и кушала фрукты. Она не увидела отца и продолжала их есть, смотря телевизор, по которому показывали мультики.

Затем он направился в комнату матери. Женщина сидела на кровати, что-то перебирая из вещей.

– Я Джаннет собираюсь отвезти домой! – жестко сказал он матери.

– И что хорошего будет с того, если ты будешь так часто ей позволять ездить к родителям? Приучишь ее, она будет через день туда мотаться, находя причину, – с привычной придирчивостью кинула старуха, не поднимая взгляда.

– Мама! – прервал он ее. – Я не об этом. Я ее отвезу насовсем. Я с ней развожусь! – сказал он так жестко, что старуха вздрогнула.

– Ты что говоришь, мальчик мой? Ты с ума сошел? Что вы там не поделили? Ну ничего, разберетесь. С кем не бывает, – напряглась мать.

– Не поделили нагулянную дочь.

– Что? Что ты говоришь? Ты в своем уме? Какую дочь, сумасшедший? Над старухой шутить решил?

– Мать, мне не до шуток, я сказал. Не до шуток! – прокричал он. – Я сделал тест на отцовство. Аниса не моя дочь. Эта женщина нагуляла ребенка и подсунула мне как моего. Бессовестная тварь. Каким идиотом я был. Какой позор, унижение!!! Что про меня скажут люди? Коллеги? Это скажется и на моей карьере.

– Сынок. Подожди! Успокойся. Немного подумай. Откуда эти мысли? Так нельзя просто говорить. Тебе не оставят такое ее братья, ее родня.

– Мама! Я не без оснований говорю. Вот тебе доказательство! – протянул он бумагу.

Старуха открыла, что-то прочитала, но не совсем поняла, о чем речь.

– Вот видишь эти цифры? Это процент отцовства. Моего отцовства. Видишь эти нули? Материнство Джаннет 99,9 процентов, – тыкая пальцем, показывал он матери.

Старуха, прикрыв рот рукой, впала в замешательство.

– Прости, Аллах! Прости, Аллах! – повторяла она молитву. – Как такое возможно? Как она так могла? Что за женщина?

Мурат вышел и снова направился в комнату.

– Ты собралась? – крикнул он жене.

Но Джаннет даже сдвинуться с места не смогла. Сидя на полу на коленях с опущенными руками, она смотрела в одну точку, не отводя взгляда.

– Я тебя спрашиваю, ты собралась? – повторил он.

Приподняв голову, она посмотрела на него, по щеке потекла слеза.

– Зачем мне вещи в могиле? – тихо прошептала она. – Саван мне и так сошьют.

– Как знаешь! – ответил он ей и направился к двери.

– Мура-ат! – хрипло произнесла Джаннет ему вслед, но Мурат даже не отреагировал на ее зов и вышел.

Перед выходом Джаннет зашла в комнату свекрови, прося наставить сына:

– Мама, прошу. Тебя он послушает. Что он говорит? Я никогда даже не посмотрела бы в сторону чужого мужчины. Объясни ему. Он не слышит меня. Ты же мать. Из-за ошибки наша семья может распасться.

– Не надо мне напоминать, что я мать. Именно поэтому я не позволю своему сыну жить с гулящей женщиной. Такого позора я не позволю для своих детей. «В тихом омуте бесы водятся» – это выражение придумали для таких, как ты. Закрой дверь с той стороны, – грубо одернула ее старуха, показав жестом на дверь.

Джаннет отчаялась совсем. Она не могла усмирить свой шок. «За что? – не понимала она. – За что свекровь так ненавидит меня? За что так поступает со мной?» – терзала она себя.

По дороге в родительский дом девушка не переставала плакать – тихо, чтобы он не слышал и Аниса не заметила. Мурат не промолвил ни слова, даже с дочкой не общался. Но кое-что он пробурчал, да так, чтобы не было понятно девочке, о чем речь:

– Я сам устроил тебя на учебу, чтоб ты получила образование, что сама хотела, а ты искала потехи у другого. Ты там его нашла?.. – Он не стал дальше продолжать, заметив озадаченный взгляд Анисы.

– Мура-а-ат, – умоляюще, с полными слез глазами прошептала Джаннет, смотря ему в глаза через зеркало заднего вида. – Прошу!!! Я не обманывала тебя. Перепроверь – прошу. – Он замолк и больше не произнес ни слова. Она в отчаянии в душе молила Всевышнего, чтобы все это прошло как страшный сон.

– Пап, а, пап, а куда мы едем? – спросила Аниса.

– К бабушке твоей, – коротко ответил он и не стал продолжать общение.

– А почему ты со мной не разговариваешь? – добавила девочка.

– Нет настроения.

– А когда ты за нами приедешь?

– Хватит, – резко перебил он девочку. – Я устал, голова болит, – дополнил следом, увидев испуганное лицо дочки. Джаннет, отвернув лицо в сторону окна, стала рыдать еще больше, прикрыв рот рукой, чтобы дочка не слышала и не увидела этого. Ее сердце разрывалось от обиды за нее. Больно было. Узнав, что папа не приедет за ней, Аниса с трудом переживает это. Мысли о том, что теперь с ними будет, сжигали ее изнутри. «Как же я переживу позор, как родители переживут?» – терзала она себя.

Когда они подъехали, Мурат остановил машину и ничего не говоря, ожидал действий Джаннет.

– Мурат, умоляю тебя, ради Аллаха, поехали домой. Мы выясним все. Раскроем все недоразумения, прошу тебя, не доводи до того момента, когда будет уже поздно. Прошу тебя, не позорь меня. Когда всплывет правда, я не смогу каждому объяснить, что это была ошибка. Ты же знаешь, как слухи здесь быстро распространяются. Подумай хорошо, умоляю.

– Не пугай свою дочку. Замолчи. Я не позволю, чтоб надо мной смеялись и считали идиотом. Я многое смогу простить, но не это.

– Нету этого, Мурат, пойми!

– Выходите, – тихо сказал он.

Джаннет медленно вышла, взяв за руку дочку, в другой руке сумку с вещами. Тело не слушалось ее, она дрожала, как будто ее опустили в прорубь, а голова раскалывалась от боли, но все это она терпела бы хоть всю жизнь, но только не то, что ей приходится сейчас переживать.

Мурат вышел из машины и направился в сторону ворот их дома, предварительно позвонив ее брату. Оказавшийся дома на тот момент старший брат Джаннет вышел к зятю с вопро- сительным лицом, всматриваясь в лица обоих.

– Рахим, отойдем на минуту. – Они отошли в сторону и стали разговаривать.

Джаннет уже не чувствовала ног.

– Мамуль, а почему папа сказал тебе: «Не пугай свою дочь»? Как будто я не его. И он какой-то странный сегодня. Почему?

– Доченька, – пыталась что-то сказать она дочке, но ком встал ей поперек горла.

Зайдя домой, к ней навстречу вышли невестка Амина и мать, но она уже не стояла на ногах. Она упала без сознания до того, как к ней успели подойти.

Проснувшись на диване в холле от голосов, девушка сначала не понимала, что происхо- дит. Но, услышав упрекающий крик старшего брата, быстро пришла в себя. Пытаясь подняться с дивана, она снова рухнула в него грузом. Рука не слушалась ее, она не могла поднять даже ее.

– Ты что натворила? Как ты могла так с нами поступить? – это был Рахим, получивший дозу для угнетения сестры.

Джаннет прошла взглядом по комнате. В глазах совсем помутнело. Рядом на стуле сидела рыдающая мать, отчаявшийся отец. Брат стоял и больше всех напирал на сестру. Две старшие невестки стояли в сторонке, перешептываясь, и только Амина, младшая невестка, поила водой Джаннет и, глядя руку, помогала ей прийти в себя.

– Дочка, скажи, как это произошло? Когда? Где? Расскажи нам. Мы тебе поможем, – начала мать. – Может, тебя изнасиловали, но ты боялась признаться? Боясь осуждений и упре- ков? Может, так все было?

Джаннет разревелась, ее взгляд показывал удивление и шок: почему они задают ей такие унижающие ее вопросы? От шока у нее стал ком в горле, она не могла сказать ни слова.

– Никто ее не насиловал. Сама легла... – хотел продолжить Рахим, но отец прервал его:

– Подожди. Помолчи. Может, наша дочь, боясь позора, столько лет несла на себе этот груз. Джаннет, расскажи нам, что тогда произошло. Это в любом случае надо выяснить. Хочешь, все уйдут? Останется только твоя мать или тот, кого ты сама захочешь.

– Меня никто не трогал!!! Не трогал! Не трогал! – у Джаннет началась истерика.

– Ну как-то же это случилось. Тест показывает результат, я тщательно изучил его. Я успел позвонить в клинику, они утверждают, что ошибки быть не могло.

– Отец, как вы могли... – Она не смогла продолжить. «Как вы могли такое подумать?» – хотела сказать она, но расплакалась.

– Плачет потому, что нечего сказать в свое оправдание, – продолжил брат. – Какой позор! Какой позор! Мы опозорены! Клянусь всеми святыми, я убью тебя своими руками.

– Так! – оборвал отец. – Выйдите все из комнаты, оставьте мать с дочкой. Джаннет, дочка, расскажи все своей матери. Она тебя выслушает и поймет, – сказал он, вставая со стула, а затем, наклонившись к ней, продолжил: – Я не смогу остановить твоих братьев, поверь. Они очень самолюбивые.

Уткнувшись в одну точку, Джаннет долго смотрела, не отводя взгляд. Асият, ее мама, терпеливо ждала, пока дочь решится заговорить. Наконец женщина начала разговор:

– Джаннет. Расскажи маме, что случилось тогда. Тебя кто-то силой взял? Если это так, тебя можно понять, почему ты молчала. Такое сложно пережить.

– Никто меня силой не брал, мама! Никто меня не насиловал! Ничего я не делала плохого. Аниса дочь Мурата, я не предавала его. Она дочь своего отца.

– Дочка, милая моя! – разрыдалась мать. – Откуда эти данные? Как я тебя спасу от твоих братьев? Они, как сторожевые псы, ждут, пока им «фас» скажут. А этот тест и есть тот «фас», – рыдала Асият. – Что я сделаю? Как я спасу свою дочь? О Аллах! Помогите!

– Мама, если они поверят в эту бумажку, то они не братья мне и мне не страшно умереть. Пусть это будет на их совести. Но я не делала ничего такого. – Обе женщины плакали не переставая. В этот момент дверь комнаты распахнулась и в комнату вошел Рустам, младший брат девушки. Прикрыв дверь за собой, он подошел к сестре.

– Джаннет, сестренка, я знаю, что ты не способна на плохое. Расскажи, как это произошло. Что случилось? Я обещаю, что на кусочки разрежу того, кто это сделал с тобой. А потом и до твоего муженька доберусь. Но я не смогу это сделать, если ты мне не расскажешь все подробно.

– Рустам! Братик! – умоляюще просила Джаннет, не переставая плакать. – Не было никого. Никто меня не трогал! Не совершала я этой мерзости. Поверь хоть ты мне.

Рустам молча смотрел на сестру задумчиво, затем, отозвав мать, тихо обратился к ней:

– Твои сыновья там грозятся на самое страшное с помощью своих жен. Усмири их, пожалуйста. Рахим клянется, что никого не станет слушать. Говорит, что не задумываясь прикончит сестру.

– От кого бы ни была рождена эта девочка, она рождена нашей девочкой. Я не позволю этого! – с гневом дополнила мать.

Рустам вышел, ничего не сказав, и стремительно направился к воротам. Никто не знал, куда он поехал, сев в машину. Его не было несколько часов. Доехав до той клиники, он стал расспрашивать работников одного за другим, где находится тут лаборатория. Найдя отделение, он вызвал главного лаборанта. К нему навстречу вышел тот самый Артур, влюбленный друг Самиры.

– Здесь сдаются тесты на ДНК? – спросил Рустам.

– Да. Вы правильно попали. А что вас интересует?

– Недавно сюда привезли анализы неких людей. Я хотел бы уточнить кое-какие нюансы.

– Слушаю!

– Во-первых, какова вероятность ошибки теста?

– Ну-ус. Что я могу сказать о вероятности ошибки? За весь опыт моей 12-летней работы ни одного случая. Наша лаборатория (да и клиника в целом) не зря считается одной из лучших на Северном Кавказе.

Показав документы Джаннет и Анисы, он попросил показать результаты теста. На что тот ответил отрицательно, ссылаясь на то, что не имеет никакого права раскрывать информацию, так как это строго конфиденциально. Но Рустам настоял, просунув в его карман несколько бумажек. Обернувшись по сторонам, Артур пощупал карман и скрылся в коридоре, попросив подождать. Через несколько минут он снова появился и протянул несколько листов. Рустам просмотрел все внимательно, несколько раз прочитав, и ушел, попрощавшись.

Как только он скрылся, Артур взял телефон и набрал Самиру:

– Да. Приходил молодой человек, расспрашивал насчет результатов, вероятности возможной ошибки и т. д.

– Это был муж той особы и так называемый отец ребенка. По-видимому, хотел сам убедиться, – предположив, что это был Мурат, сказала Самира.

– Ну, здесь ошибки быть не могло. Я сам строго слежу за качеством работы наших лаборантов.

– Да я же никогда не сомневалась в твоей идеальности, Артур, ты же знаешь. Спасибо тебе большое.

Довольный до предела и счастливый Артур поблагодарил девушку и попрощался с ней.

Тем временем в доме семьи Джаннет творился переполох. Все как помешанные были не в себе, что-то обсуждали. Мать с отцом, сильно встревоженные, пытались найти выход, братья постоянно на повышенных тонах кидались упреками в сторону сестры, старшие невестки

тихонько в углу перешептывались, кивая головой, показывая возмущение и удивление от происходящего, а с Джаннет в комнате осталась Амина. Они разговаривали, Джаннет рассказывала ей о последних днях, о том, что все шло как обычно и ничего не предвещало такой беды. Она в недоумении была оттого, что это происходило с ней. Все шло против нее.

– Почему? Как такое могло произойти? И я не могу ничего найти в свое оправдание. Боже! Насколько же я беспомощна! Бессильна. Ничтожна, – плакала девушка.

– Ты не беспомощна, не ничтожна. Это же не каждый день случается с людьми. Откуда ты могла знать? Джаннет, родная, если ты все рассказала, значит, все так и было. Это какая-то ошибка, или недоразумение произошло. Я тебе верю, и Рустам верит. Мы найдем выход из этой ситуации. Не отчаивайся...

– Вы верите, мама верит. Папа, может, тоже, не знаю. Но что толку, если те мои братья со своими королевами ополчились против меня, как будто так и ждали компромат на меня?! Я никогда не давала повода думать обо мне плохо, но все поверили в эту коварную чушь, будто не раз приходилось позориться за меня. Что теперь будет с Анисой? Разве нас оставят в покое? Из-за давления постоянных сплетен они мне житья не дадут.

– Сестренка моя. Родная моя, – обняла Амина Джаннет.

Уже было поздно, когда Рустам приехал домой. Обессиленный от разочарования, но, как всегда, уверенный и серьезный, он вошел в дом и направился в комнату родителей.

– Куда ты ездил? – спросил его отец.

Долго не отвечая, Рустам начал разговор:

– Ездил убедиться своими глазами. Все точно. Никаких ошибок, но все равно мне кажется, что что-то не так. Не могла Джаннет пойти на грех. Не могла.

Отец не выдержал, зажав большим и указательным пальцами правой руки глаза, как бы нажимая на них, заплакал. Несколько минут он не мог остановиться. Затем протер руками лицо и продолжил:

– Даже самые благочестивые и твердохарактерные обманываются, а Джаннет – как наивный котенок. Что стоит ее обмануть? А тем более в те юные годы. Она была совсем девочкой, – отчаянно посмотрел он на сына. – Я только одного боюсь, Рустам: что твои братья совершат глупость. Они не оставят мою дочку. А я... я пожилой человек и не смогу их остановить, – снова заплакал отец.

– Отец, я не буду являться твоим сыном, если позволю что-то плохое совершить с Джаннет и Анисой. Я даю тебе слово.

– Сынок, – подошла к нему мать. – Я не вынесу, если с ними что-то случится. Она твоя сестра и очень любила тебя всегда. Не дай ее в обиду, – сквозь слезы попросила она.

– Я знаю, мама. Я сделаю все, чтоб защитить их.

Глава 7

Джаннет не спала всю ночь, вглядываясь в оконную форточку на перламутровые пятна луны. Казалось, она манит своим завораживающим сиянием, пытаюсь успокоить, умиротворить состояние души, обнадеживая своей идеальной красотой, чистотой и невинностью. Но жизнь, к сожалению, не такая невинная, не такая дружелюбная, как этот отзывчивый небесный объект. Мысли смешивались. Иногда ей казалось, что все это ей только кажется и она находится у себя дома, сидит на своей кровати, укладывая дочку, а иногда размышляла о том, как жизнь может поменяться в корне и как же все в ней непостоянно. Полусидя в полумраке Джаннет незаметно для себя уснула.

Утро настало тихо. Пробиваясь во все уголки комнат, лучи солнца проползли, словно ярко сияющие змеи, пытающиеся пробраться в комнату, а затем исчезающие куда-то, оставляя за собой свет. Словно почувствовав пробивание лучей кожей лица, веки Джаннет зашевелились, и она приоткрыла глаза. Взгляд уперся сразу в потолок родного родительского дома, но это не то время, в которое ей хотелось бы находиться здесь. Из уголков глаз потекли слезы, она зажмурилась, отвернулась к спинке дивана и, прижавшись к нему, начала рыдать, приглушая звуки, закрыв рот одеялом. Так Джаннет проплакала еще некоторое время, пока снова не задремала.

– Я завидую твоему беззаботному сну, сестренка! – громко заорал Рахим, с шумом зайдя в комнату.

Повернувшись в его сторону, Джаннет протерла глаза и встала с дивана. Она молча посмотрела на него и вроде открыла рот, чтобы что-то сказать, но снова уперся в ее глотку ком обиды, и она смогла только произнести немой звук и замерла, опустив взгляд.

– На твоём месте любая другая девушка, хоть немного уважающая себя и родных, умерла бы от сердечного приступа из-за такого позора. Но нет! Мы сладко спим. – Он направился в её сторону и хотел продолжить с желанием проучить, но в этот момент в комнату вошел Рустам. Жестко посмотрев на брата, он подошел к сестре и хриплым голосом произнес:

– Как ты спала, Джаннет? Твои веки сильно опухли, лицо бледное. – Хоть Рустам и сам был в состоянии, как после двух смен подряд на дежурстве, и голос у него охрип неспроста, а именно от пережитого стресса, но за сестру он переживал больше.

– Все хорошо, Рустам. Конечно, бессонница не давала заснуть, но разве это странно для моей ситуации? – Рустам кивнул и сказал выйти, привести себя в порядок.

– В суматохе я даже не видела свою дочку и не вспомнила про нее. Где она?

– Не переживай. Она с детьми прекрасно вчера провела время. Пойдем.

Они вышли. Рахим вышел за ними, провожая их недовольным взглядом.

Сквозь окна дома было видно, как отец ходит по двору, перебирая четки. То к яблоне подойдет, растущей у забора, пересматривая переплетение ветвей, то выйдет за калитку, там постоит и снова вернется во двор.

– Он не спал всю ночь, – начала разговор мать. – Впрочем, как и я вместе с ним.

– Что будем делать? – продолжил Рустам.

– Что делать, я хорошо знаю, – ответил Рахим, словно считал обязанным ответить на вопрос, словно все ждали только его мнения. – Пусть только решится вопрос с их родством раз и навсегда. Как только закроем с ними отношения, остальное я решу. Позора в доме я не допущу. Чтоб мои дети в будущем боялись поднять голову, чтоб дочерей упрекали мужа и их семьи, что их тетя родила вне брака? Это предоставьте мне.

– Здесь я пока еще живой, – громко сказал Махмуд, вставая в разговор. – Что бы ни натворил мой ребенок, он мой ребенок. Я не могу принести в жертву свое дитя из-за ошибки, пусть даже такой страшной.

– Отец, почему вы говорите обо мне как о позорнице? Я никогда бы не посмела затоптать твою честь. Разве я давала повод усомниться в себе? Разве до сих пор тебе приходилось опускать голову из-за меня?

– Не приходилось! Потому что ты талантливо умела прикидываться и прикрывать свои грешки, сестренка, – грозно и с выраженной дерзостью ответил на ее вопросы Рахим.

– Подожди ты. Подожди, – отец махнул рукой в сторону Рахима. – Джаннет. Послушай. Я никогда не сомневался в твоей честности и целомудрии. Никогда не ругал тебя и голоса не смел повышать, ты знаешь. Но это не мешало тебе быть послушной и правильной дочерью своих родителей. Ты всегда оправдывала наши ожидания и надежды. Но сегодня я не могу ответить сам себе на вопрос, что случилось, что тебя побудило. И как могло с нами произойти такое?

– Я не... – пыталась продолжить Джаннет в свое оправдание, но, как всегда, брат старший перебил ее. Джаннет выбежала из комнаты.

– Вот именно! Вот именно – никогда не ругал и доверял. Вот ответ на твой вопрос, отец. Вот причина того, что она осмелилась опозорить нас. Ты сам только что ответил на свой вопрос. Упустил дочь, когда пренебрег воспитанием. В ежовых рукавицах нужно держать дочерей. Дабы знали, кто за спинами стоит.

– Так со своих и начни, – впрягся за сестру Рустам. Амина, проходящая мимо в этот момент, невольно ухмыльнулась из-за понравившихся слов мужа. – Еще не поздно, Рахим. Не упusti своих, как отец, по твоим словам, упустил Джаннет.

– Ты давай не умничай здесь. Такой умный, вот и следил бы за своей идеальной сестрой. Вы же неразлейвода. А? Что упустил? Разоблачил бы виновников, очистили бы честь сестренки. Если, конечно, таковые есть. А? Есть такие? Во! И я об этом. Их нет. Виновник здесь только один, и это сама она, – показал он пальцем в сторону комнаты, где находились Джаннет с Аминой.

– Я что-нибудь придумаю, – спокойно продолжил Рустам.

– А что мы будем делать? – озадаченно вмешался Хасан. – Когда сплетни дойдут до людей, на нас будут тыкать пальцами. Новости дойдут до родных жен. Мы будем опозорены.

– Замолчи! – прервал его отец. – Как тебе не стыдно? До чего опустился – перед родителями такое говорить. Тебя волнует мнение твоих родственников или положение сестры? К черту родственников ваших жен. К черту.

– Такое положение, какое сама себе выбрала, – продолжил Хасан. – Каждый делает выбор. Джаннет его сделала.

– Вы так быстро готовы затоптать своего близкого человека, даже не разобравшись. Какая опора у незащитных женщин, когда такие мужчины в доме? Я до сих пор не верю, что она способна на такое. Джаннет кого-то прикрывает. Она чего-то боится, – оборвал его отец.

– Я увезу ее на время подальше. А там решим, что к чему, – сказал Рустам.

– Никто никого и никуда не будет увозить. Эту проблему я решу сам, вот этими руками, – выражая гнев и отвращение, показывая руки, сказал Рахим.

– Что ты имеешь в виду? – спросила обеспокоенная Асият.

– Я позорнице жить не дам ни в этом доме, ни на этой земле. Иначе не называйте меня Рахимом.

– Что? Ты что говоришь? Я тебе не позволю и волосинки тронуть с ее головы. Ты меня слышишь? Не позволю! – запаниковала мать.

Рахим ухмыльнулся:

– Не позволит она. Еще не родился такой человек, который может мне что-то не позволить.

– Ну почему же не родился? – продолжил Рустам. – Это несправедливо, неуважительно по отношению к Фатиме, – ухмыльнулся он.

– Ты больно дерзкий, я вижу! – громко оборвал его Рахим и направился в его сторону, угрожающе подняв ладонь.

– Замолчите, я сказал! – поднял голос отец. – Я пока еще живой. Или мое мнение не в счет уже? А? Никто никого не тронет. Ты готов взять на себя опеку над ребенком, оставив ее без матери? А? Готов? – обратился он к старшему сыну. – А ты, Хасан, возьмешь девочку себе, которой не способен был и шоколадку купить, имея возможность усыпать ее ими?

– Я не собираюсь воспитывать незаконнорожденного ребенка и позорить свою семью. Чтоб мои дети выйти из дома не могли, а моя жена слышала сплетни за спиной о себе и детях? – запаниковал Хасан.

– Закрой рот, непутевый глупец. Не опускайся еще больше. Не падай в глазах родителей дальше, уже я стал разочаровываться в тебе.

– А что не так, отец? В чем дело? В чем виноват Хасан? Он же прав. Я тоже не собираюсь воспитывать в своем доме девочку, которая потом испортит моих. Яблоко от яблони, как говорится...

Мать пощечиной прервала сына:

– Подлый мерзавец. Стыдно, что я родила тебя, – расплакалась женщина и вышла из комнаты.

– У вас не хватает мужества даже племянницу взять под опеку, а жизнь отнять у слабой и беззащитной женщины – так вы герои. Посмотрите на себя. До чего же вы жалки, – плюнул он на пол в сторону Рахима и Хасана.

Направляясь к выходу, Рахим обратился к отцу:

– Я свое слово сказал. И не намерен отступать от него. – Затем братья вышли оба.

– Отец, я опасюсь, что Рахим способен на плохое. Я не могу этого позволить, – спеша начал разговор Рустам.

– Что ты предлагаешь сделать? – отчаянно, со слезами на глазах обратился Махмуд к сыну.

– Пока не знаю, честно. Но я найду выход. Не волнуйся только. Я что-нибудь придумаю.

Махмуд сидел на стуле, его плечи были опущены от бессилия, от безысходности, от отчаяния. Он не мог допустить кровопролития в своей семье, но и понимал, что не скрыть такого от людей и позора не избежать в городе, где «каждая мышка знает друг друга».

Рахим зашел в свою комнату в бешенстве. Мечась по комнате, перекидывая вещи и предметы с места на место, он остановился, только когда Фатима зашла в комнату.

– Не нервничай так, Рахим, – заботливо сказала ему жена. – Изводя себя, ты не исправишь ситуацию. Я не хочу, чтобы ты стал жертвовать своим здоровьем из-за проделок легкоймысленной сестры. Это не стоит того, – продолжила она, положив руку на его плечо.

– Я все же не верю, что Джаннет могла пойти на такое. Хотя я и придирался к ней постоянно, но я ее хорошо знаю. Она не такая, – вдруг пробудились чувства брата у Рахима.

Заметив смягчение в его словах, Фатима перебила его:

– Эх, муженек. Ты даже не представляешь, на что может быть способна женщина, стоит ей захотеть. И не на такое. – Она следила за его реакцией. – С виду притворяясь жертвой, многие способны на все ради своих интересов и желаний.

Рахим вопросительно посмотрел на жену, взглядом показав интерес к ее мнению:

– Ты думаешь, она могла?

– Я не знаю, Рахим. Не хочу подливать масла, но одно я знаю, что я никогда не доверяла тихоням. Ты разве забыл, как в 16 лет она хотела сбежать со своим давним знакомым, который с детства был влюблен в нее? Он ее похитить собирался, и она была не против, как ты помнишь. Тогда она была способна пойти против всех.

– Она не противоречила тогда, когда узнала, что мы все против. Сразу отказалась. Он был парень не нашего уровня. Она не была бы обеспечена с ним. Нам бы пришлось все время

ее финансово поддерживать. Я предвидел и противостоял этому союзу. Зачем мне нужно было помимо своей семьи еще и семью сестры содержать?

– Ты, конечно, был прав. Я поддерживаю тебя в этом. Но и не совсем легко она согласилась, как тебе кажется. Я тогда не хотела тебе говорить, чтобы ты не злился на сестру, но она сделала одну неудачную попытку сбежать, попросив подругу. Узнав об этом, мама ее поругала и остановила. Ой, я не должна была тебе это говорить и сейчас. Мама обидится на меня, если узнает, что я рассказала. Она очень просила тогда не рассказывать вам, мужчинам, – прикрыв лицо рукой, стала себя винить Фатима.

– Не надо от меня ничего скрывать. Я не люблю секретов и тайн. Может, мама еще что-то скрыла? Может, Джаннет с этим своим дружком и нагуляла своего отпрыска? Лживая тихоня, – вышел из себя Рахим, услышав проделки юности сестры, которая просто, как и все девушки в ее возрасте, влюбилась в паренька, который долгое время ухаживал за ней.

– Рахим, успокойся. Побереги нервы. У тебя своя семья. Ты нам нужен нормальным и уравновешенным, – подшутила она.

– Я этой девке не позволю ходить по этой земле. Или я уйду из этого мира, или она. Позора не потерплю.

– О боже, не говори так. Почему ты должен уйти из этого мира? Ты-то за что? В чем ты виноват? Храни тебя Аллах, – Фатима начала плакать, не оставив ни малейшего сомнения в глазах Рахима, что искренне переживает за мужа и только добра желает ему и его семье. – Я не позволю, чтоб за грехи других отвечал мой муж и моя семья. Мы ничего плохого никому не сделали, – истерично продолжила она.

– Ну-ну. Успокойся. Устроила тут трагедию. Я сам вас в обиду не дам. За это и беспокоюсь больше всего. Чтобы вы, моя семья, не чувствовали себя униженными, чтобы вам не пришлось чувствовать себя опозоренными из-за упреков людей. Решить проблему можно, только устранив ее. Что я и сделаю.

Фатима не стала перечить мужу, демонстрируя обеспокоенность о нем.

В комнате Хасана так же бурно обсуждалась тема сегодняшних событий. Муж и жена бурно обсуждали разговор отца.

– На меня они хотят повесить свою проблему, видите ли. Еще этого не хватало. Их дочь нагуляла, а я должен расхлебывать. Пусть сами смотрят за ее отродьем. Были бы приюты в нашем регионе, я сам бы лично отдал ее туда. Еще не хватало растить со своими детьми непонятно кого, – возмущался взбешенный Хасан.

– Еще чего! Я не стану воспитывать ублюдка со своими детьми... – не успела добавить Белла начатую мысль, как в комнату с шумом вошел Рустам и, указывая угрожающе пальцем на невестку, проговорил:

– Никогда! Слышишь? Никогда больше не смей произносить этих слов. И никогда ничего не смей говорить про мою сестру и племянницу. Ты не стоишь и ногтя этого ребенка, раз у тебя повернулся язык сказать такое. Ты мерзкая женщина, хоть и не хотелось бы мне это говорить жене своего брата, но ты вынудила меня. И мне жаль своего брата, потому что ему приходится тратить свою жизнь на жизнь с тобой, думая, что живет с человеком. Моя племянница останется моей племянницей, даже если ее отец из Африки. Но тебя это не касается. И это была бы большая честь для тебя – воспитывать ее, а ты не удостоена такой чести... – Проговорив все быстро, жестко и громко, Рустам вышел из комнаты, с грохотом и очень громко захлопнув дверь, едва Белла успела произнести умоляюще его имя, пытаясь оправдаться за свои слова. Хасан не стал вступать в разговор, так как было нехарактерно для мужчин из этих мест впрягаться за жену перед братом, но и жене сказать он ничего не смог, не желая слушать ее нытья. Хасан, пожав плечами, встал с кресла и вышел.

Растерянная от стыда Белла не осмелилась выйти за ним из комнаты.

Рустам вошел в комнату вне себя от злости, но не на сестру, как его братья, и даже не на невесток, а на этих же братьев, которые позволили своим женам так топтать свою сестру и племянницу. «Что же они за мужчины? Как быстро сдались!» – подумал он. В этот момент вошла Амина.

– Где Джаннет? – спросил он ее.

– В своей комнате с Анисой. Сидит, как будто телом она в этом мире, а мысленно – в другом. Даже на дочку свою не смотрит, что совершенно на нее не похоже.

– Нельзя ее оставлять одну. Я опасюсь, что она может что-то с собой сделать.

– Да. Я тоже этого боюсь. Периодически заглядываю к ней, пытаюсь войти в разговор. Но она не очень поддается беседе. Ее сейчас не разговорить.

– Что же здесь не так? Что произошло в ее жизни, что она так боится рассказать и готова рисковать своей жизнью, скрывая правду? – он глубоко вздохнул, затем продолжил: – Как же меня мучают эти вопросы. Я готов все отдать, чтобы выяснить и решить это. Эти мои братья легко готовы перечеркнуть все ценности, дабы очистить свою честь. А я так не могу. Она же наша. И даже если бы я был убежден в том, что она отступилась, лишить ее жизни я бы не смог. – От бессилия он сел на кровать.

Амина мягко улыбнулась, по ее щеке потекла слеза. Она подошла к мужу и, положив руку на его голову, начала утешать его:

– У тебя очень доброе сердце, Рустам. Ты настолько великодушен, что на твоем великодушии мог бы построиться целый мир. Тебе тяжело, я знаю, ты разрываешься между кровными обязательствами и осознанием важности чести семьи. Я понимаю, что тебе тяжело, так как приходится стоять между братьями и сестрой. Ты также думаешь о родителях, зная, как они переживают за Джаннет. Ты всегда думаешь обо всех. Я по-прежнему не верю, что наша Джаннет способна на глупости, унижающие честь семьи. Она не способна даже на обман в шутку. Нет, только не Джаннет. В ней я уверена, как в самой себе. И поэтому нельзя допустить самосуд над невинной девушкой.

– Да. Но что делать? Я бы увез ее куда-нибудь на время, пока не выясню ситуацию. Но куда? Рано или поздно они ее найдут. Здесь все знают друг друга. Ничего не скроешь.

– Если позволишь мне, я поговорю с мамой своей, чтобы она попросила свою родню пока принять Джаннет у себя. Туда они точно не доберутся, даже не догадаются сунуться.

– Какую родню? Куда? В Турцию, что ли?

– Да. А почему бы и нет? Мне кажется, это лучший выход. Пусть пока переждет там. Кто знает, может, это недоразумение развеется само по себе и все встанет на свои места. И тогда мы сможем вернуть нашу Джаннет домой.

– На свои места уже ничего не встанет. Даже если сам Мурат придет со всем своим родом и, признав ошибку, попросит ее обратно, я не позволю ей даже посмотреть в их сторону. Мне достаточно одной ночи того ужаса, что пережили Джаннет и мы.

Если бы только мог Рустам предположить, что вина всем этим ужасным страданиям Джаннет и переживаниям их семьи – это грязные проделки коварных людей, преследующих свои корыстные интересы. Если бы ему пришла хоть малейшая мысль или намек на то, что все это было подстроено некими людьми, способными легко играть судьбами других, он перевернул бы весь род того, кто посмел посягнуть на счастье сестры, и заставил бы пожалеть его о том, что родился на свет. Но ввиду своего великодушия и чистоты сердца, он не мог и предположить такого, даже рассматривая самые страшные варианты. Потому что человек может думать, исходя из того, на что способен сам. И ожидать от других только тех действий, какие сделал бы он сам.

Глава 8

Во дворе появился молодой человек и позвал Рахима, несильно постукивая по окну в прихожей. Выглянув в окно, Рустам узнал в нем двоюродного брата Мурата. Он вышел к нему, они поздоровались, пожав руки и приобняв друг друга. Расспросив о делах, здоровье, тот начал разговор, из-за которого и пришел:

– Рустам, хоть мне и неприятно, что пришлось прийти сюда по такому поводу. Нам обычно приходилось видаться за накрытыми столами и проводить время в приятном общении, но выхода у меня нет. Мой брат Мурат ждет снаружи. Он просил, чтоб вышли вы, братья, и сама Джаннет.

– Ничего не извиняйся. Все бывает. Дело судьбы, ничего не поделаешь, – ответил Рустам, стараясь всеми силами не показывать состояние души, а лишь равнодушно соглашаться, кивая головой. Он хорошо понимал, зачем пришел Мурат, приведя с собой свидетеля. Конечно, чтобы официально дать развод жене. Но он был бессилен и исправить ситуацию не мог, а умолять и унижаться не позволил бы ни себе, ни сестре. Затем он вошел в дом, предварительно предложив войти родственнику, тот отказался, и Рустам скрылся.

Через некоторое время вышли и два других брата Джаннет, и они все вместе вышли со двора к Мурату. Перед выходом Рахим жестко сказал рядом стоящей жене позвать Джаннет. Та в свою очередь передала просьбу мужа Амине, перевалив это нелегкое дело на нее. Осторожно войдя в комнату, Амина замедлила шаг из-за нежелания оповещать о таком. Джаннет сидела на коврике и читала молитву, подняв ладони перед лицом. У Амины невольно потекли слезы, но ей ничего не оставалось, как сообщить ей о решении судьбы.

– Джаннет, милая, я... Я... Я хотела тебе сказать кое-что. Ты должна принимать судьбу, возложив все на Аллаха. Поверь, Он уготовил для тебя лучшее. Постарайся стойко перенести, что на тебя возложено сейчас.

Джаннет вопросительно посмотрела на невестку и, приподнявшись с коврика, беспокойно обратилась к ней:

– Что ты имеешь в виду? Что-то случилось? Где Аниса? – взволнованно закричала она.

– Все хорошо с Анисой, она с детьми играет. Но... Джаннет, сестренка! Там на улице Мурат ждет тебя и наши братья. Мурат приехал не один.

У Джаннет участилось дыхание, она начала дрожать, и уже ноги не держали ее, но в сознании она понимала, что надо идти. Собрав все свои силы, мысленно обратившись к Всевышнему, она направилась к выходу. Амина не отпускала ее, обняв сбоку.

Когда Джаннет вышла на улицу, Мурат тоскливо посмотрел на нее. Его сердце разрывалось, так хотелось посадить свою жену и отвезти домой, но жесткий нравственный менталитет своего народа и ревностное отношение к чести не позволяли выпустить чувства наружу. Но Джаннет не смогла даже посмотреть на него. Отвернув взор от пока еще своей жены, он снова обратился к шурина:

– Рахим, как я уже говорил, я пришел официально дать развод твоей сестре. Я не привязан к этим формальностям, но закон и традиции требуют свое. Поэтому при свидетелях говорю. Джаннет! – обратился он к ней. – Твои братья: Рахим, Хасан и Рустам, и ты, Саид, будете свидетелями моих слов. Я с тобой развожусь! Я с тобой развожусь! – В то же мгновение из-за ворот выбежала Аниса; услышав голос и слова отца, подбежав к нему и крепко схватив его за ноги, она начала плакать и умолять его:

– Папочка! Папочка! Прошу тебя, не разводишься с нами! Умоляю тебя. Папа, ты мой самый лучший папуля! Не разводишься с нами, я не хочу, чтобы мы расставались. Не разводишься. Не надо. Я никому не отдам своего папу. Ты у нас самый лучший папочка.

Она так крепко вцепилась в его ноги, что он почувствовал ее учатившееся биение сердечка. Его сердце терзало его изнутри, изнуряя разрывающими болями. Он стал понимать, что еще немного – и он не выдержит и заплачет навзрыд. «Не смей, Мурат, – говорил он себе. – Не смей поддаваться эмоциям и чувствам. Ты не сам это затеял. Этот ребенок не твоя дочь». Затем, взяв аккуратно ее руки, он оторвал их от себя и протянул девочку Рустаму, который уже звал ее к себе. Оказавшись на руках Рустама, Аниса, протянув свою маленькую ручку и погладив Мурата по щеке, с последней надеждой и снова умоляюще и ласково обратилась к нему:

– Папуль, хотя бы со мной не разводишься, а?! Ну пожа-а-алуйста! – У Анисы был мягкий детский голосок с неумелым произношением некоторых звуков. Мурат не выдержал, по щеке пошли слезы, которые он попытался незаметно прикрыть, широко раскрыв глаза. И Рустам быстро унес девочку во двор.

Затем Мурат в третий раз произнес слова: «Я с тобой развожусь» (так как для официального развода по религиозному обряду развод считается действительным в ту же минуту после троекратного произношения слов со стороны мужа) и быстро сел в машину. Напоследок он невольно посмотрел в сторону Джаннет, которую уже уводила невестка в сторону двора, и, словно почувствовав со спины его взгляд, она обернулась, с ним встретившись глазами. Только в этот момент за всю совместную жизнь с ней он смог без слов прочесть ее чувства, ее мысли по глазам. Только сейчас он услышал ее без слов. «Я никогда тебя не прощу, Мурат!» Ее взгляд говорил еще о многих словах, что Мурата невольно взяла на мгновение дрожь, пока он не опомнился и не уехал прочь. Садясь в машину Саид сказал Рахиму, что вещи Джаннет привезут в ближайшее время. Но его уже никто не слышал.

При первых шагах, оказавшись внутри, Джаннет уже почувствовала слабость и не могла больше двигаться. Неторопливо Амина завела ее в комнату. Уложив на диван, заплаканная невестка пыталась успокоить Джаннет, поглаживая ее по лбу.

– Все в руках Аллаха. Все принадлежит Ему. И твою судьбу Он предписал тебе не оттого, что не любит тебя. Значит, тебя ждет лучшее.

Но Джаннет не слышала Амину. Она утонула в своих мыслях, которые полностью затуманили ее сознание.

Асият лежала в постели в состоянии стресса с сильной головной болью. Аниса прибежала к бабушке за утешением. Устроившись рядом с бабушкой, девочка неутешительно плакала, жалуясь на своего отца, что он бросил их. Ребенок искренне не понимал, почему он так поступил. И хоть бабушка объяснила, что у него есть свои причины, что просто так он бы этого не сделал, Анису это не успокаивало.

– Папа, наверное, хочет себе другую семью. Он хочет, чтобы у него была другая дочка. Может, я ему не нравлюсь, он хочет красивую дочку, а я некрасивая.

Переборов состояние, Асия приподнялась с подушки и, положив голову внучки себе на колени, уверенно ответила:

– Твой папа, даже обойдя три раза весь мир вокруг, не найдет красивее и лучше ребенка, чем ты. Ты его самая большая награда, которую он не оценил.

В комнату матери вошел Рахим; попросив Анису пойти поиграть с детьми, он принялся засыпать упреками мать:

– Ты упустила ее в свое время. Вот к чему привело твое воспитание. Если бы не скрывала раньше ее проделки, сегодня ничего бы этого не было. Ты, мама, вина всего, что мы сейчас переживаем, – Рахим ругался так громко, что его голос дошел и до комнаты Джаннет, что находилась в другом конце коридора. – Твое сострадание к дочери к хорошему не привело, как видишь.

– Рахим, сынок, о чем ты говоришь? Какие делишки я прикрывала? Джаннет ничего плохого не делала. Не ори на меня. И так голова раскалывается, – зажмурив от боли глаза, сказала Асият.

– Если бы ты нормально воспитывала свою дочь, мне не пришлось бы пачкать свои руки кровью.

– Замолчи, еще раз говорю тебе, – разрыдалась неутешительно мать. В ее глазах не скрывались страх и отчаяние. Немошная от головной боли и повышенного давления, она встала с кровати и, показав на дверь, попросила его выйти, убедительно ему сказав:

– Если прольется кровь моего ребенка, то знай, и моя прольется следом и она будет на тебе, – с красными от слез глазами она закончила фразу.

Рустам, услышав повышенные голоса, быстро направился в комнату матери, так как знал о ее самочувствии.

– Оставь мать в покое! – громко и яростно крикнул он Рахиму.

– Ты, сопляк, забываешься. Я сам решу, что мне делать, – попытался грозным видом запугать тот брата.

– Еще подобное повторится – и я не отвечаю за себя, – продолжил Рустам.

Рахим замахнулся и ударил Рустама. Асият истерично закричала и попросила Рустама воздержаться.

– Рустам, прошу тебя, ты хотя бы воздержись. Не смей отвечать тем же! – снова закричала мать, увидев, как Рустам быстро направился к Рахиму. Схватив руки сына, она попыталась остановить его. Посмотрев на мать, он остановился. – Вы братья, несмотря ни на что. Так будьте же ими. Не давайте повода смеяться над нами.

– Да уж не дадим, – с сарказмом добавил Рахим. – С нашей идеальной репутацией на сегодняшний день это будет не так уж сложно.

Асият не сказала ни слова. Рахим вышел быстро прочь, а Рустам остался успокаивать мать.

Джаннет, услышав быстрые и громкие шаги Рахима, испугалась и вскочила с дивана, ожидая, что сейчас он войдет, но он прошел мимо, кинув нецензурную реплику в сторону комнаты Джаннет. У Джаннет заколотилось сердце.

Через пару часов, когда дом погрузился в тишину, Джаннет попыталась встать, чтобы выйти из комнаты и пойти помолиться. Но, только успев опустить ноги на пол и выпрямиться, как почувствовала сильную боль внизу живота. Скрутившись от боли, она попыталась сделать шаг, но приступы стали усиливаться, боль стала нестерпимой. Джаннет тихо застонала, пытаясь тщетно сдерживать себя. Взять телефон, чтобы позвонить Амине, силы не позволяли, рука дрожала от ужасной боли, а криком позвать на помощь не позволяла скромность. Она медленно, скрутившись, доковыляла до телефона, но неожиданно почувствовала теплую влагу на ноге с внутренней стороны бедра. И причем это ощущение все усиливалось. Приподняв подол платья, она увидела, что кровь была на полу и текла в немалом количестве. Джаннет вскрикнула и начала отчаянно плакать. Положение тела невозможно было изменить, согнувшись крючком, опираясь на столик, она не переставала плакать. Через несколько минут, когда девушка опомнилась, она набрала Амину на мобильном и тихонько, не говоря причину, позвала ее в комнату. Впрочем, Амине и не нужно было ничего объяснять, она прибежала быстро, словно была только рада, что ее позвала золовка.

Когда Амина вошла в комнату, от картины, что она увидела, ее пошатнуло. Скрутившись, еле держась на ногах в луже крови на полу, Джаннет стояла с заплаканным лицом. Она дрожала, как брошенный, бездомный котенок, оказавшийся неожиданно на улице поздней холодной осенью. Едва шевеля губами, девушка произнесла:

– Это конец, Амина! Это конец! – не выдержала она и впала в истеричный плач.

Амина кинулась к Джаннет и помогла дойти до дивана. Затем быстро побежала к маме. Через минуту обе женщины были уже у Джаннет в комнате. Та от боли уже не видела ничего. Амина вызвала скорую, но тем временем попыталась оказать необходимую помощь. Скорая

приехала достаточно быстро и отвезла Джаннет в гинекологическое отделение городской больницы.

Гинекологическое отделение находилось этажом выше хирургического, где работал Мурат. Джаннет была не в состоянии от болей ходить самостоятельно, и ее понесли на носилках, Амина вприпрыжку бежала следом. Больше никто не сопровождал ее, никто не хотел находиться рядом с «позорницей», кроме родителей, конечно, мать Джаннет оставалась в приемном вместе с Рустамом.

– Немедленно поднимайте на кресло! – громко прокричала врач. Медперсонал засуетился, и уже через две минуты все было готово и девушка лежала на кресле. – Постараемся обойтись без оперативного вмешательства, – обратилась врач к акушерке. У Джаннет заколотилось сердце. «Какая операция? О чем они говорят? А ребенок? Что с ним?» – мысленно мучила она себя. Наконец со слезами на глазах, собрав все силы, она спросила у врача:

– Что будет с ребенком?

– Девочка моя, тебе придется немного потрудиться. Помоги нам немного. Нужно вытащить малыша, так как беременность прерва... – обратилась к ней доктор, но едва успела она произнести ответ, как Джаннет криком перебила врача. Ее крик донесся до самого крайнего уголка всего отделения, всего этажа. Что же могла Джаннет произнести в своем отчаянном, разрывающим от обиды и беспомощности душу крике, если не имя своего мужа? «Мурат!» – крикнула девушка, словно желая обратиться к нему за помощью, за поддержкой, словно ища поддержку, а может, наоборот, обвиняя, упрекая его в произошедшем. В ее голосе слышалось столько отчаяния и разочарования, что это мог почувствовать любой, кто услышит ее зов. «Мурат!» – уже тихо, полухрипло прошептала Джаннет и отключилась.

Придя в себя через несколько минут, она увидела суетящихся медсестер, что со всем вниманием приводили ее в чувство, и акушеров, делавших свою работу. Снова непрерывно по щекам потекли слезы. Джаннет прекрасно понимала, что ничего уже не поделаешь. Ребенка не спасти, ведь иначе ее положили бы не на родовое кресло, а в палату, и подключили бы системы с капельницами. Но, увы, картина говорила о другом.

– Так, деточка, пришла в себя. Потужься немного. Немного потрудись, тебе нужно это сделать, дабы не подвергнуть опасности свое здоровье, а то и жизнь. – Через несколько минут после начала всей суеты врачи начали проводить завершающий этап преждевременных родов. Между собой врачи переговаривались, говоря о том, что остались довольны результатом без последствий.

– Кровотечение вызвало преждевременные роды. Беременность не удалось спасти, – произнесла доктор с врачебным хладнокровием.

– Джаннет, деточка! – обратилась доктор к девушке. – Я просмотрела твою историю беременности. Беременность протекала безупречно, никаких отклонений и патологий. Срок 14–16 недель. Что такое произошло с тобой, что повлекло за собой выкидыш, да еще с сопровождающим кровотечением? Ты упала откуда-то или, может, таскала тяжести, авария или какой-то большой стресс перенесла? Ну, не знаю. Я хотела бы разобраться.

Джаннет отвернулась в другую сторону и только продолжала не переставая плакать с прерывистым дыханием, не в силах что-либо произнести.

В ту же минуту Мурат в отделении хирургии говорил о том, что с сегодняшнего дня собирается взять отпуск на пару недель, а то и больше.

– А что случилось? – с незаметным сарказмом спросила Самира. – Что тебя так переутомило?

– Просто устал, – коротко кинул Мурат. – Хочу отдохнуть и морально, и физически.

– Все хорошо у тебя? Дома все в порядке? С мамой твоей, дочкой?

В этот миг Мурат вопросительно посмотрел на Самиру, подумав, спрашивает ли она, чего-либо зная или случайно.

– Все в порядке, – ответил он и ушел.

Самира смотрела ему вслед с легкой, еле заметной улыбкой на лице. «Я знаю, Мурат. Я знаю, что произошло. Можешь молчать, так даже лучше», – мысленно понеслось в ее коварной головке.

Утром Мурат проснулся от какого-то непонятного шума во дворе. Удивленный, он направился к окну и от изумления отскочил назад, но затем, снова подойдя к окну, продолжил смотреть. Во дворе подметала Джаннет, но, сделав несколько махов метелкой, она остановилась и, прикрыв руками лицо, стала непрерывно плакать. В правой стороне двора, внутри цветочной клумбы, на большом камне сидела Аниса и махала ножками вперед и назад. Он присмотрелся и заметил, что своими ножками девочка постепенно вырыла яму, яму уже достаточно немаленькую, и Мурат забеспокоился, что она может туда упасть.

Как только он хотел сделать движение, чтобы выйти во двор, как заметил, что со стороны Джаннет выбежал маленький мальчик, еле ковыляя ножками ввиду своего совсем еще раннего возраста. Он не останавливаясь побежал в сторону Анисы, и не успел Мурат произнести и звука, как малыш за долю секунды упал в эту яму. Мурат, в ту же секунду выбежав на улицу, и быстро подбежал к той яме, но она оказалась уже зарыта – с небольшим холмиком над ней. «Что такое? Куда делся этот малыш?» – он кинулся на колени и начал отчаянно и небрежно пальцами рыть землю на холмике. Окровавленными уже от сырой и холодной земли пальцами он продолжал рыть, но земля не поддавалась, словно не хотела отдавать то, что уже зарыто в ней.

Мурат вскочил с постели в холодном поту. Лоб был мокрым. Затем немедленно выбежал во двор к тому самому камню. Камень лежал на том же месте, холмика в клумбе не было, на улице было еще темно и пусто.

«Один и тот же сон. Один и тот же сон уже третью ночь подряд снится. Да что же это?» – Мурат схватился за голову обеими руками и расчесал волосы против роста. Он не находил себе места, задаваясь вопросами, откуда этот сон, никак не сопоставляя это с потерей ребенка. Он даже не вспомнил о беременности Джаннет. О бывшей уже беременности. Присев на камень, он задумался. Мысли мучили его, совесть терзала, говорила: «Ты должен был... Ты мог бы... Надо было бы... бы...» Все эти «если бы» и «бы» не оставляли его. Все крутилось в его голове. Он мучился, забыв о том, что первопричина всех этих мучений и событий он сам. Его нерешительность, его бесхарактерность, его трусость.

В то же утро Джаннет выписали из больницы. За ней приехали Рустам с невесткой. По дороге старались отвлекать разговорами о доме, рассказывали некоторые веселые моменты с Аниской, что она скучает очень, говорили, что мама переживает очень. Джаннет улыбалась, наполовину пропуская все мимо ушей. Ее сегодня ничего не интересовало. Потеря семейного счастья, дома, беременности стали слишком большой нагрузкой для ее хрупких плеч. Откуда взять силы, чтобы перенести это все, откуда набраться терпения? Только эти вопросы мучили ее, создавая кашу в ее голове. Все так перевернулось. Разве может в жизни человека все поменяться в корне настолько, что не придет и в голову даже, будь у тебя хоть самое богатое воображение? Реальность. Вот она, та самая реальность. Хоть уезжай ты на долгое время, хоть засни на год и больше, реальность никуда от тебя не денется. Суть всей ее жестокости в том, что она есть и с ней нужно мириться.

До дома они доехали быстро. Амина помогла Джаннет взять сумку с некоторыми личными вещами, и они вошли во двор. При входе в дом слышался разговор Рахима с родителями. Что же приятного она могла услышать кроме ругани и споров, да к тому же в ее адрес?

– Твоя сестра чуть не погибла, потеряв много крови. Имей хоть немного совести и сострадания. Как ты можешь так говорить? – ругала его мать.

– Ну и отлично было бы, если бы все прошло само собой. Мне не пришлось бы мारать руки, – не задумываясь добавил он.

– Я не верю своим ушам. Я совершенно не знала своего сына, – Асият схватила за голову. – Словно она твой враг. Только враг с легкостью поверит в плохое о ком-либо. А ты словно ждал повод, словно искал компромат. Все, уйди отсюда. Не хочу больше ничего слышать. Я и так убита, а ты еще добавляешь.

Рахим направился к двери, чтобы выйти из комнаты. Услышав его шаги, Джаннет и Амина ускорили шаг и зашли в комнату Джаннет.

– Он так просто не оставит меня, – начала разговор Джаннет. – Я хорошо знаю своего брата, он будет так провоцировать, провоцировать до тех пор, пока кто-либо не сдастся. Либо меня доведет до того, что я не выдержу и совершу глупость с собой (упаси меня Аллах от этого), либо родителей доведет до могилы. Мне нужно что-то делать. Найти выход.

– Джаннет, сестренка, все будет хорошо. Мы с твоим братом говорили кое о чем. Если ты, конечно, согласишься, то это на этот случай единственный выход. – Джаннет вопросительно посмотрела на невестку, и та продолжила: – Ты же знаешь, что моей мамы родня живет в Турции, ее два дяди с семьями? Так вот, один из них сказал, что с удовольствием примет тебя, чтоб ты пожила у них, пока все не утрясется. Дом у них большой, на всех места хватит. Но пока тебе надо будет переждать еще кое-где, оттуда ты полетишь в Турцию. Может, Рустам все уладит, выяснит здесь и тебе вообще не придется никуда лететь.

– И где мне придется переждать еще? – немного испуганно спросила Джаннет.

– В Кобулет.

– Где?!

– В Кобулет, это город в Грузии. Там живет мамина давняя подруга, они в очень хороших отношениях. Она тоже в курсе и готова тебя принять.

Джаннет ухмыльнулась:

– Словно преступницу, должны меня скрывать. Как я оказалась в таком положении, до сих пор не могу понять.

Джаннет привыкла соглашаться со всем, что ей предлагают или рекомендуют, но переезд в дальние страны был слишком большим шагом для ее однообразной жизни домохозяйки, привыкшей, повинаясь, сидеть дома, выполняя свои обязательства. Это был шок для ее сознания, она никак не могла представить себя в другом месте, с другими людьми, в другой обстановке. Но другого выхода она не видела. Да к тому же, если это ее брат нашел для нее этот выход, значит, действительно нет другого.

– Джаннет, мы в любом случае тебя не оставим, ты не волнуйся. Мы всегда будем на связи. Это временно, тебе нужно будет это пережить. Заодно увидишь немного мир, – улыбнулась Амина. Джаннет молча соглашалась. А что же ей еще оставалось делать? Разве ей оставили выбор, притесняя? С одной стороны – муж, бросивший по непонятным для нее причинам, с другой – братья, угрожающие убийством. Оставалось только соглашаться. Она утвердительно кивнула головой. Амина продолжила вводить ее в курс:

– Смотри, в Кобулет живет подруга мамы, очень хороший человек. Ты поживешь у нее некоторое время, посмотрим по обстоятельствам, а потом, если понадобится, полетишь в Стамбул либо сначала в Ризе, там дядя с семьей тоже периодически живет. Смотря где в данный момент проживает родня бабушки. Изначально они все жили в Ризе, но потом постепенно стали перебираться в Стамбул, так как у каждого в семье был кто-то из детей, которому для карьеры требовалось пребывание именно там. У них дома в Ризе, и отпуск они часто проводят там. Очень красивые места, тебе понравится. Его еще называют городом турецкого чая. Мы будем с тобой на связи и дадим тебе знать, когда нужно будет направиться туда. Они тоже с наших краев, с такими же обычаями и менталитетом. Тем более братья моей бабушки и их дети и внуки почти каждый год проводили время здесь. Ты не будешь чувствовать себя чужой.

Джаннет молча слушала, но не могла сообразить и представить, как она будет жить в чужом городе, в чужой стране. Что же ее ждет на чужбине? Такую робкую и не очень смелую девушку, привыкшую жить под крылом своего опекуна-мужа.

Через полчаса девушка вышла из комнаты и направилась на кухню, но сначала зашла в комнату матери, чтобы посмотреть, как она. Асият прибиралась в шкафу.

– Мама, как ты себя чувствуешь? Мигрень так же мучает? Давай я измерю давление тебе?»

– Нет, Джаннет, все нормально, не нужно. Мне немного полегчало. Пойду на кухню сейчас. На ужин нужно что-нибудь сообразить. Ты тоже, наверное, проголодалась.

– Амина давно пошла на кухню готовить. Я иду ей помогать. Ты отдыхай, мамуль. Мы сами все сделаем.

– Да сколько можно отдыхать? Не могу лежать больше. Да к тому же, если твой старший брат снова увидит меня одну в комнате, не упустит возможности снова засесть на мои уши. О Аллах, как же он меня замучил! Да что же это за напасть? Словно не мой родной. А Хасан – так вообще, как не с этой семьи. Ему все равно. Что бы я делала, если бы у меня не было Рустама. Он моя поддержка. Хвала Всевышнему Аллаху, что у меня есть он!

Джаннет улыбнулась смущенно. Словно почувствовала себя лишней в этот момент. Но мать не заметила этого и ничего не сказала в утешение дочери.

– Мам! – обратилась она к матери. – Рустам тебе ничего не говорил по поводу моего отъезда?

– Нет. Какого отъезда? Он несколько раз что-то пытался сказать, но каждый раз его перебивал Рахим. А что за отъезд? Куда?

– Они с Аминой предлагают мне временно перебраться в Турцию к ее родственникам по матери, пока все не выяснится. Чтобы ничего не произошло в необдуманных обстоятельствах.

– А что тут может выясниться? – возмутилась мать. – Можно подумать, что мы жертвы какого-то недоразумения и остается только ждать выяснений.

– Мам, ты сейчас серьезно? Почему ты так говоришь?

– Думаешь, мне легко доказывать твоим братьям твою невиновность, когда я сама не знаю, во что верить и чему доверять? А? Почему с нами все это происходит? Разве может такое произойти без каких-либо оснований? Я уже не знаю, что говорить, во что верить. Да что же это?» – Асият села на кровать и начала плакать.

Джаннет молча глубоко задумалась, прислонившись к стене у проема двери. Смысла не было утешать мать.

– Я пойду накрою на стол и позову тебя.

– Я сейчас подойду, – тихо ответила мать. Джаннет вышла.

Амина начала накрывать. Сегодня все были в сборе, поэтому накрывать нужно было на всех. Дети уже были накормлены. Затем кормили мужчин и мать, а после поели невестки. Джаннет тоже захотела есть с невестками.

– А где Рахим? – спросил отец. – Почему его нет с нами?

– Он говорил о каком-то срочном деле. Скоро подъедет, – ответила наливающая чай отцу старшая невестка, на что отец кивнул.

Старшие поели, поблагодарили за ужин и покинули стол. Невестки почистили стол и, накрыв себе, сели, пригласив за стол золовку. Девушки общались, шутили. Джаннет без аппетита что-то ковыряла в тарелке, иногда вилок что-то клала в рот, делая это через не хочу. Слова мамы не оставляли ее. «Если и она сомневается во мне, значит, и Рустам с Аминой тоже, но не говорят, чтоб не обидеть меня». Ситуация усложнялась. Джаннет понимала, что все становится гораздо серьезнее, чем кажется.

От резкого и громкого хлопка двери девушки вздрогнули и не успели очухаться, как на кухне появился разъяренный Рахим и с неконтролируемым гневом подбежал к Джаннет, схватил ее за горло и, сдавливая ее глотку, прислонил к стене. Джаннет не успела даже проглотить кусочек еды, что оказался у нее во рту в эту роковую минуту.

– Случилось то, чего я больше всего боялся. Ты опозорила меня, девочка. Я не оставляю тебя, мразь, в живых. Я уже слышу разговоры за спиной. Ты испортила мне и моей семье жизнь, тва-а-арь!» – Рахим, не контролируя силу, сдавливал шею девушки, не замечая криков девушек, которые всеми силами пытались оторвать его руку от Джаннет. Девушка уже посинела, когда Рахима кто-то откинул назад. Это был Рустам. Он ударил брата кулаком по лицу и уже собирался продолжить, как его остановил Хасан, отец стал останавливать старшего. Азиат в истерике с кулаками бросилась на Рахима.

Джаннет была почти без сознания. Упавшую на пол девушку приводили в чувство невестки. На крики прибежали дети. Аниса подбежала к матери и обняла ее крепко.

– Мапочка моя, мамулечка, вставай! Почему мама на полу лежит? Что с ней?

– Ей стало немного нехорошо, – вытирая свои слезы, ответила Амина. – Иди, моя золотая, в комнату. Поиграй с детками.

– Никуда я не пойду. Я с мамой хочу остаться, – захныкала Аниса.

Джаннет стала приходить в себя. Она обняла дочку, прижала к себе и успокоила.

– Все хорошо, моя родная. Я в порядке, – хриплым голосом обратилась она к ней. – Пойдем в комнату. – Джаннет попыталась поднять девочку на руки, но тело не послушалось ее, руки сами опустились. Амина перехватила ребенка и понесла в комнату. Девушки вошли, но Джаннет, не доходя до дивана, стало плохо. Ее стало тошнить, закружилась голова. Она попыталась присесть. Амина молча подала ей воду, немного предварительно намочив салфетку и приложив ее к ее лбу. Даже у Амины не было слов утешения для Джаннет. От шока девушка совсем обессилела.

– Я сейчас же позвоню братьям, – уверенно сказала Амина. – Они заберут тебя, чтобы утром ты выехала в Кобулет. Они уже в курсе твоего отъезда, только ждут моего сигнала. Как я скажу, они сразу приедут тебя забрать.

Джаннет молчала. Только молчание было ей под силу сейчас, на какие-либо разговоры и мысли не было ни сил, ни желания. Аниса лежала головой на коленях матери, успокаиваясь поглаживанием руки Джаннет. В этот момент вошел Рустам. Его лицо было очень испуганным. Он был подавлен, растерян.

– Как ты, Джаннет? – подошел он и, приподняв ее подбородок, начал осматривать шею, на которой остались следы от пальцев Рахима.

У Джаннет потекли слезы.

– Лучше бы он закончил свое дело, – корчась от слез, ответила она.

– Тс-с-с. Тише, – успокоил ее брат, одновременно взглядом показывая на засыпающую на ее коленях Анису. – Не нужно так говорить. Побойся Аллаха. – Рустам поглаживал сестру по голове, а сам размышлял о дальнейшем.

– Сегодня нужно будет решить все, – сказал он жене. – Этот вообще стал неадекватным, а когда выпьет, так вообще себя не контролирует. Пока хуже не стало, нужно действовать.

– Я как раз об этом говорила Джаннет. Боюсь, что нужно будет даже сегодня.

– Да. Позвони Хизиру, пусть сегодня под утро, как договаривались, подъедут. Джаннет пока подготовится.

– Я так не хочу никуда ехать, – снова скорчившись от слез, сказала Джаннет. – Почему я не могу остаться? Я ведь ничего не сделала.

– Джаннет. Ты же видишь, что Рахим неадекватен и неуправляем. Я боюсь за тебя. И я больше тебя не хочу вас никуда отправлять. Но я не вижу выхода на сегодняшний день. Это пока... Временно. Когда я выясню все, я тебя заберу и верну домой. Хорошо?

Джаннет кивнула.

– А теперь собери все, что тебе необходимо, и ложись спать. Отдохни. Завтра рано вставать. – Рустам поцеловал Анису и вышел.

– Джаннет, что-нибудь принести тебе? – спросила ее Амина.

– Нет, родная, спасибо тебе за поддержку. Она мне так необходима сейчас.

– Я знаю. Я бы многое отдала, чтобы этого всего не происходило с тобой. Мне очень больно за тебя.

– Да уж. Даже шокироваться странно как-то. Не укладывается в голове. Видимо, это должно было случиться со мной. Всевышний так пожелал меня испытать. Лишь бы не сломаться.

– Не ломаешься. Ты сильная. Хочешь, я с тобой останусь сегодня?

– Нет, не нужно. Пойди отдохни. Уже скоро одиннадцать. Нужно выспаться и тебе, и мне.

Амина кивнула, соглашаясь, и, пожелав спокойной ночи, вышла из комнаты. Джаннет не могла уснуть, но, откинув все мысли, переборолла себя и уснула.

Оказавшись на крыше небоскреба, Джаннет украшала горшочки с цветами, расставленными по всей поверхности крыши. Небольшие декоративные деревья украшали уголки и некоторые места кровли. Ярко покрашенные скамейки с глянцевым бликом стояли с невысокими столиками у каждой. Козырьки зонтов покрывали каждое место отдыха. Чистое покрытие полов переливалось глянцем чистоты. Куда ни взглянешь, везде зелень, цветы с яркими лепестками разнообразных цветовых оттенков. Джаннет улыбалась от счастья и радовалась вместе с Анисой.

Подойдя к краю крыши небоскреба, она посмотрела вниз и увидела знакомого мужчину, который, держа что-то укутанное в руках, сильно плакал. И даже с такой высоты было видно и слышно, как сильно и отчаянно плачет этот человек. Джаннет встревоженно смотрела на него, пока тот не поднял голову и не посмотрел на нее. И тогда она узнала в этом человеке своего бывшего мужа Мурата. Это был он, тот самый человек, который в корне изменил ее жизнь и который отвернулся от нее, не желая даже объясниться, и он плакал навзрыд как ребенок, держа в руках завернутого в тряпки младенца. Плач доносился все громче и громче. Звуки становились такими громкими, что Джаннет невольно закрыла уши, но услышала, как он крикнул ей: «Джаннет! Почему?! Почему он холодный?! Почему мой сын холодный?! Что я с ним сделал, Джаннет!?» Джаннет быстро в испуге отскочила от ограждения.

Проснувшись среди ночи, она посмотрела на время, было еще не так поздно. На лбу выступил холодный пот, зубы были крепко стиснуты, она дрожала. Прочитав молитву, обращаясь к Аллаху, Джаннет задумалась: «Откуда этот сон? Мурат не знает о потере ребенка. Что же это могло значить?» Терзая себя вопросами, через короткое время она уснула.

Проснувшись на молитву затемно, Джаннет пошла в ванную для омовения. Проходя мимо комнаты Рустама, она слышала шорохи и невнятные разговоры.

Джаннет поняла, что они проснулись, чтобы довести до конца то, что запланировано накануне. Девушка направилась в свою комнату.

Еще никогда ее мольба на коврике не была такой отчаянной и громкой в душе, как сейчас. Она просила Всевышнего, чтобы направил ее на правильный путь во всех смыслах. Чтобы не оставил ее в эти трудные дни и чтобы скорее для нее все встало на свои места. В глубине души она до сих не могла смириться с таким кардинальным изменением судьбы и не хотела соглашаться с происходящим. Но как ни крути, девушка понимала, что у нее нет выбора и нужно находить решения из того, что есть.

Через некоторое время в комнату вошла Амина, Джаннет посмотрела на нее, еще оставаясь сидеть на коврике, и понимающе кивнула головой.

Через полчаса Джаннет и Аниса были полностью готовы; с двумя дорожными сумками Джаннет сидела и ждала сигнала от невестки.

Тихими шагами по коридору девушки направились к выходу из дома, Рустам уже вынес сумки за калитку заднего двора. У двери родительской комнаты Джаннет остановилась.

– Я должна попрощаться с родителями, я не смогу уехать, не увидев их. Мамочку поцеловать хочу. Папу крепко обнять.

– Конечно. Надо. Они в курсе твоего отъезда, не в курсе только о времени. Ведь мы сегодня решили тебя увезти из-за непредсказуемости твоего старшего брата. Мама, конечно, очень расстроилась бы, если бы ты уехала, не попрощавшись с ней и с отцом.

Джаннет кивнула, и, как только дотронулась до ручки двери, послышался скрип открывающейся двери в дальней комнате. Это был Рахим, оставшийся ночевать в эту ночь. Джаннет тут же отпустила ручку двери родительской комнаты, и девушки быстро, но тихо направились к выходу.

По длинному узкому проходу в конце двора они направились на выход к заднему выходу, выводящему на другую – параллельную улицу. Неподалеку стояла машина. Впереди виднелись силуэты мужчин, это были братья Амины. Рустам уже хотел сесть и поехать с ними, но братья Амины убедили его, что довезут девушку в целости и сохранности до назначенного места. Рустам согласился и посадил Анису сзади, поцеловав крепко в щечку. Затем он подошел к сестре и, посмотрев ей в лицо, впервые не выдержал и тихо заплакал.

– Клянусь всем, чем можно, я тебя не оставлю так. В ближайшее время решу проблему и верну домой, даст Аллах. Не переживай сильно. Все обойдется.

– Это ты не переживай, братишка. Я справлюсь. Раз так все пошло, значит, предписано было. Не нам решать.

Рустам крепко обнял сестру, а затем подошел к стоявшим неподалеку шуринам. Амина подошла к золовке и крепко обняла.

– Я буду на связи, не теряй телефон. Вот тебе еще один кнопочный телефон с долгой зарядкой, там все наши номера. Всегда будь на связи.

Девушки обнялись, расплакавшись. Затем Джаннет быстро села в машину. Девушки все еще держались за руки крепко, не отпуская рук, пока не увидели, как парни прекратили разговор. Парни попрощались, братья Амины сели в машину, Рустам подошел к сидящей Джаннет и, наклонившись, пожелал благословения Аллаху, затем указательным пальцем махнул по носу спящей Анисы и тихо, но плотно захлопнул дверь машины.

Автомобиль спокойно отъехал в сторону выезда с улицы. Постояв немного, супруги зашли во двор. Рустам еще какое-то время стоял внутри двора, облокотившись на калитку, положив голову на локоть. Казалось, он хочет скрыть слезы от жены, переждать и успокоиться.

– И что дальше? Что будет? Думаешь, мы решили проблему, избавившись от Джаннет? – словно опомнившись, запаниковал Рустам.

– Не переживай. Я буду целиком следить за всем маршрутом до самого Кобулет. Да братья и сами будут со мной на связи.

– Да я не только о дороге в Кобулет. Жизнь же дальше продолжится. А что она должна делать на чужбине у чужих людей? Она такая беспомощная, такая незащищенная.

– Поживем – увидим. Оставь все Всевышнему и молись.

Посмотрев устало на жену, Рустам направился в дом. В коридоре ему встретился Рахим с вопросом, откуда он и что делает, на что тот ответил, что выходил во двор, чтобы поставить воду живности на заднем дворе. Они не были особо разговорчивы друг с другом, поэтому Рахим не особо допрашивал брата.

Рустам прилег в комнате и, недолго посмотрев в потолок, уснул. Амина, прибравшись в комнате, вышла, чтобы накормить домашнюю птицу и приняться за приготовление завтрака.

Глава 9

Дорога была длинная, путешествие долгое. За окнами, чередуясь разнообразными видами, менялись пейзажи гор Горной Грузии неопишуемой красоты. Ослепительная красота пиков гор, которые, казалось, касаются небесных высот, завораживали Джаннет своей красотой. Она вдруг загрустила о тех таких же прекрасных горских местах своей родины. Слезы невольно потекли по щекам, и она заскучала по своим краям, не смотря на то, что только пару часов назад покинула их.

Джаннет совсем почти не говорила со своими спутниками. Разве что отвечала на вопросы, что они ей задавали, заботясь о ее комфортном положении и самочувствии.

Уже три часа в пути. Кажется, путь никогда не закончится, а до Кобулету еще ехать и ехать. Парни остановились у дорожного кафе. Девушка сводила Анису в туалет, привела себя в порядок, затем парни повели девочек поесть, не приняв отказа Джаннет. Они были очень обходительны и вежливы с ними, уделяя особую заботу Анисе, играя с ней и развлекая ее. Один из них купил у витрины кафе шоколадок девочке и куклу в большом сюрпризном яйце. Теперь Анисе было чем позабавиться в дороге, и девочка уже не скучала.

Через несколько минут после отъезда от кафе Джаннет позвонили. Это была мама. У девушки быстро застучало сердце. Как же ей стало горько, что она должна покидать отчий дом и самых дорогих ей людей – родителей. Желание повернуть назад разрывало ее душу изнутри. «Ах, мамулечка моя, как же я не хотела бы тебя покидать!» – думала она.

Попытавшись сделать голос уверенным, чтобы не выдать слез, Джаннет тихо ответила на звонок. Еле слышный хриплый голос сказал маме тихое «але».

Асият плачущим голосом позвала дочку:

– Джаннетик! Девочка моя! Как же ты покинула меня, не попрощавшись. Моя маленькая девочка, моя единственная!

Джаннет крепко схватила рукой рот, чтобы не разреветься, слезы сами по себе потекли из глаз, и она уже не могла контролировать их поток. Этот проклятый ком в горле предательски не давал промолвить словечко, потому что, начни она говорить хоть с одного слова, продолжила бы навзрыд.

– Моя доченька! – продолжила разговор Асият. – Мама всегда будет за тебя молиться, моя маленькая. Не волнуйся за маму, за папу, мы тебя всегда поддержим и никогда не сомневаемся в твоей честности.

– Мам, – еле слышно прошептала Джаннет. – Я очень люблю тебя и папу. Передай ему это. Я хотела войти и попрощаться, но испугалась Рахима, услышав, как он идет. Мы же еще увидимся и очень скоро. Это ненадолго, Рустам сказал. Я скоро вернусь.

– Конечно же, вернешься, а если не вернешься, мама сама приедет к своей девочке.

Асият безутешно плакала, хоть сама и успокаивала свою дочь. Джаннет так не хотелось класть трубку. Как же ей хотелось слышать голос мамы всю дорогу, утешая себя ее словами, ласкающими слух, ведь голос матери – самый приятный голос из всех существующих на земле. «Ах, ну почему же я не проводила больше времени с тобой, мамочка? Как же много бесценнейшего времени я потеряла, не общаясь с тобой», – все эти мысли неосознанно, но четко крутились в ее голове. Все жизненные ценности познаешь, когда они начинают отдаляться от тебя. Такова суть человеческого бытия. Мы ценим, когда теряем. И все через это проходят.

На въезде в город парни остановились у какой-то площади. Один из них с кем-то разговаривал по телефону. Затем они оба вышли и предложили выйти Джаннет и девочке, чтоб подышать свежим воздухом. Тот, что помладше, сказал девушке, что их должны встретить. Джаннет согласилась.

Через полчаса к ним подъехала иномарка, из нее вышли двое: молодой мужчина и примерно лет пятидесяти женщина. Это и была та самая подруга мамы Амины. Стройная, статная женщина в элегантном костюме миди и высокий молодой мужчина среднего телосложения. Мужчина был с выраженными чертами лица, достаточно видный и симпатичный. Черные прямые волосы, прямой, с легкой горбинкой нос и пухлые губы. Он сразу встретил Джаннет приветливо и предложил помощь с сумками.

Поговорив с ребятами и попрощавшись, они с женщиной сели в машину. Джаннет искренне поблагодарила ребят, попросив прощения за доставленные хлопоты. На что они возмущенно ответили, что настаивают, чтобы Джаннет обязательно обращалась за помощью в случае необходимости. Затем они по очереди обняли и поцеловали Анису и словесно попрощались с Джаннет. Девушка еще долго с печальным взглядом смотрела вслед уезжающей машине, будто не хотела прощаться с частичкой своей родины. Извинившись за ожидание, она села в машину.

В машине первым разговор начал Бадри (так звали молодого человека, который представился этим именем).

– А маму звать Манана, – дополнил он.

– Госпожа Манана, – с улыбкой продолжила госпожа Манана, обернувшись к девушке на заднем сиденье, – или калбатано. Считай нас своей временной семьей, дорогая. Мы тебе рады как родной дочке, – также дополнила госпожа Манана.

Бадри с улыбкой наблюдал за реакцией Джаннет через лобовое зеркало. Впрочем, он всю дорогу частенько поглядывал на девушку, и не раз встречался с ней взглядом. Джаннет чувствовала себя немного зажато, стараясь всячески не показывать это легкой улыбкой. На какое-то время все замолчали, и Джаннет стала наблюдать за улицами Кобулет, наслаждаясь меняющимися картинками переулков. Аниса играла со своей куклой, купленной парнями по дороге, и ее мало волновала картина за окнами и вообще то, что происходит.

Скоро они подъехали к двухэтажному дому у асфальтированной дороги. Это была обжитая улица, судя по стоящим по улице домам. Выходя из машины, Бадри взял сумки у Джаннет, пытающейся тягать их самостоятельно. Он постоянно улыбался, что девушку очень смущало. С госпожой Мананой приветливо поздоровались несколько соседей, и по их приветливым отношениям было заметно их уважение к госпоже.

Они вошли в дом. Небольшая прихожая дома переходила в большой холл. По краям комнаты, справа и слева, стояли два одинаковых дивана с журнальными столиками у каждого. Комната была достаточно светлой и просторной. По углам располагались высокие комнатные растения, на полу лежал пестрый, но заметно дорогостоящий ковер, а на потолке висела большая хрустальная люстра. Комната создавала атмосферу уюта. В конце комнаты справа, а также в крайнем левом углу находились три двери, и с этого же угла холл переходил в неширокий коридорчик, выходящий непонятно куда.

– Та, что правее, моя комната, а другая принадлежит Тимурчику, а Бадри комната наверху, – прокомментировала госпожа Манана. Увидев вопросительный взгляд Джаннет, продолжила: – Тимур – мой внук, сын Бадри. Его мама погибла год назад в автокатастрофе, Тимурчик остался полусиротой, бедняжка. А ведь ему всего-то 7 лет. С тех пор мальчик замкнулся в себе и не разговаривает, отвечая на вопросы только кивками головы. Он тоже находился в той машине в детском кресле на заднем сиденье. Его мать исходила кровью на его глазах, и, пока не приехала скорая, она умерла, – женщина прослезилась. – Мы нанимаем для него няnek – педагогов, психологов. Пока безрезультатно. Последнюю пришлось уволить пару недель назад.

Джаннет грустно смотрела на госпожу, выражая сочувствие:

– Мне очень жаль, – сказала спокойно она. – Как, наверное, ему не хватает мамы.

– Это не передать словами. Сердце разрывается, смотря на него.

– Ладно. Хватит о грустном, – прервал их Бадри. – Давайте лучше начнем знакомить вас с Тимуром, – сказал он и позвал мальчика.

Через несколько секунд мальчик прибежал из игровой комнаты и, сделав несколько шагов, остановился. Вопросительно посмотрев на Джаннет, он перевел взгляд на Анису и потом уже не отводил его, смотря на нее с интересом. Поняв его интерес, Бадри начал знакомство с девочки:

– Посмотри, сынок, это наши новые друзья. Они будут жить у нас некоторое время. Как ты на это смотришь? Ты рад нашим новым гостям? Вот это Аниса, а тетя, которая стоит рядом, это мама Анисы, Джаннет, – Бадри улыбался и смотрел на сына, ожидая ответа. Мальчик только стоял и смотрел. Затем он улыбнулся и протянул ей руку. Аниса подняла голову на мать, чтобы посмотреть на ее реакцию, и Джаннет ей кивнула, тогда девочка протянула руку Тимуру, чтобы поздороваться.

– Почему Аниса посмотрела на вас, Джаннет, прежде чем протянуть руку Тимуру? – удивленно спросил Бадри.

– У нас не принято подавать руку мужчине. И хоть она еще ребенок, но уже хорошо знает эти обычаи. Хотя ей не приходилось видеть подобное на практике, но многие адаты нашего народа, а также законы нашей религии впитываются с молоком матери. Говоря простым языком, это закладывается в крови.

Бадри сделал удивленную мину на лице, но кивнул головой, показывая этим понимание.

– Понятно. Я могу только восхищенно согласиться с воспитанием детей в таком порядке и обычае. Это, бесспорно, правильное. Затем он ласково обратился к сыну: – Тимур, Анисочка теперь твой новый друг. Играйте вместе игрушками во дворе. Только, смотри, руку не подавай девочке. Хорошо? – шутливо сказал Бадри мальчику и расхохотался. Джаннет тихо засмеялась, прикрыв рукой рот. Затем дети побежали играть.

– Извини за вопрос, дорогая, а платок так повязанный, что только лицо видно, это тоже ваши адаты? Прости, если вопрос показался грубым.

Джаннет легко улыбнулась, но уверенно ответила:

– Нет, госпожа Манана, платок, повязанный таким образом, называется хиджабом, и это не то, что является нашим адатом, хотя наши прабабушки и повязывали его именно так, но хиджаб является важнейшим атрибутом мусульманской женщины.

Это наш долг перед Всевышним, но также проявление целомудрия и благочестия.

– Ты так красиво говоришь, – удивленно продолжила женщина. – Я просто никогда не понимала всех этих несовременных штучек в наше время. Поэтому спросила. Но ты не подумай, ни в коем случае меня это никак не смущает. Я человек образованный, воспитанный и всегда проявляю толерантность к любому виду традиций.

Джаннет улыбнулась, но не стала ничего говорить. Бадри молча, легко улыбаясь, наблюдал за беседой женщин, и, только случайно обернувшись на него, Джаннет заметила его любопытный, изучающий взгляд на себе. Но, как обычно, девушка смущенно отвела свой взгляд, даже не показав того, что что-то заметила.

Госпожа Манана отвела Джаннет наверх, чтобы показать ее с Анисой комнату. Просторная комната располагалась слева от лестницы. По стене комнаты стоял широкий шкаф, рядом комод, а по центру, под двумя окнами, располагалась двуспальная кровать. Рядом с кроватью стоял письменный столик, а с другой стороны – прикроватная тумбочка. Комнату затемняли бордово-бежевые шторы. Но когда Манана раздвинула их, в комнате сразу стало гораздо светлее. Мебель слоновьего цвета и светлые стены дополняли атмосферу уютной комнаты.

– Ну что ж, располагайся. Твои вещи уже поднял Бадри. Ты наверняка проголодалась и девочка тоже. Давай-ка сначала спустись, поедите, так как до ужина еще долго, а затем начнешь разбираться с вещами.

– Большое спасибо вам за все, госпожа Манана. Вы очень добры к нам.

– Ну что ты, девочка. А как иначе? Ты гость. Разве с гостем по-другому нужно обходиться? Как я слышала, в ваших местах по-другому и не бывает. Я немало наслышана о гостеприимстве вашего ингушского народа.

– Да, это так, – смущенно улыбнулась Джаннет. – Но все же вы не обязаны. Мне очень неудобно, правда сказать.

– Так, ты давай много не болтай, девочка моя. Переодевайся и спускайся скорее. – Джаннет снова улыбнулась и направилась открывать свои дорожные сумки, чтобы взять себе что-нибудь из одежды полегче. Госпожа Манана вышла из комнаты, и по звуку шагов было слышно, что она спустилась вниз.

Когда Джаннет спустилась вниз, она загадочно искала направление комнат, куда ей нужно идти. Но, словно почувствовав это, Бадри тоже спустился из своей комнаты; снова поздоровавшись с девушкой, начал разговор:

– Ну как, Джаннет, вы расположились? Вам понравилась ваша комната?

– Ой да, господин Бадри...

– Ой, только прошу – никаких «господин», я очень вас прошу, Джаннет. Это мама любит все эти официальности, но только не я. Тем более, судя по всему, мы с вами почти ровесники. Ну... примерно, во всяком случае. Поэтому «господинничать» будете с какими-то там стариками, – высунув язык и мигнув глазом от шутки, смотря в сторону, где находится госпожа Манана, сказал он.

Джаннет улыбнулась, но по своему воспитанию, уже вживленному в кровь, она не хотела заводить с ним разговор, в связи с этим быстро согласилась, чтобы скорее закончить беседу.

– Кухня там, – показал он в сторону того самого коридора, что выходил прямо из холла. – Пойдемте, я вас провожу.

Зайдя в кухню, Джаннет была восхищена такой светлой и уютной обстановкой комнаты. Белоснежная мебель была расположена по всей длине стены напротив входа в комнату, а слева стоял двухметровый овальный стол, вокруг него – белые, с некоторыми золотыми элементами на спинках и ножках стулья. На стене справа висели картина с пейзажем и белые часы. Нежно-голубые шторы свисали поверх белоснежного тюля. На стульях лежали нежно-голубые сидухи, которые очень гармонично сочетались с занавесками. Также на полочке, висящей на стене, стояла небольшая ваза с голубыми и белыми искусственными цветами. Интерьер комнаты был построен с хорошим вкусом. Только полностью невольно осмотрев комнату, Джаннет заметила детей, сидящих за столом, уплетающих разнообразные блюда, которые Манана сама поставила им на стол.

– У меня обычно работает домработница. Очень порядочная и чистоплотная женщина, но она сегодня попросила выходной, и поэтому сегодня на кухне команду я, – с улыбкой сказала г. Манана. – Присаживайся, – показав на стулья, сказала она. Джаннет смущенно посмотрела на Бадри, затем ответила:

– Я, наверное, потом. Пусть сначала господи... пусть сначала Бадри поест.

– Только не говори мне, деточка, что у вас и с мужчинами за стол садиться не положено. А ну-ка давай садись. Бадри же не может уйти из собственного дома. Поэтому ужинать, обедать будем вместе.

Джаннет очень смущала эта ситуация, ведь, по обычаям, в ее краях действительно не положено было садиться за один стол с мужчинами, а тем более – с посторонними мужчинами. И она не знала, как поступить в этой ситуации.

– Я как раз собирался отъехать ненадолго. Поэтому не буду смущать нашего нового гостя. По-видимому, Джаннет пока просто непривычно с нами. Но ничего, привыкнет. Кстати, мама, ты не забыла, что за Тимуром должен заехать его дедушка? – Затем он посмотрел на Джаннет и продолжил: – Его дед по матери хочет забрать его на пару недель, – сказал Бадри и вышел из кухни.

– Да, сынок, я помню и уже подготовила его вещи. Ты готов ехать, мой золотой внучек? – обратилась она к внуку. Мальчик кивнул. Женщина ласково поцеловала его в лоб и велела пойти в комнату и взять рюкзак с вещами.

– Это я, наверное, вынудила его уйти, – почувствовала себя неловко Джаннет.

– Кого? А-а. Нет, конечно. Он действительно должен был выехать по кое-каким делам. Не переживай. Лучше садись. Ешь. – Джаннет присела и принялась есть, так как была очень голодна.

Пока жизнь Джаннет налаживалась день за днем, незаметно прошло три недели и отпуск Мурата подошел к концу.

День на работе у Мурата прошел, как всегда, загруженным, но помимо операций в отделении хирургии его также иногда вызывали и в другие отделения на операции при экстренных случаях. Как и поступили сегодня. Сегодня его вызвали из-за внезапного открытого маточного кровотечения во время операции кесарева сечения в отделении гинекологии.

Мурат, послушав вкратце, что к чему, молча принялся за операцию и при большой вероятности удаления матки пациентке, удачно проведя операцию, сохранил молодой женщине репродуктивные органы. Чем не удивил персонал. Поэтому его и вызывали в особо сложных случаях, зная его опыт и ловкость рук.

– Поздравляю, сынок. Ты отлично справился, хотя я и не сомневалась в успешном завершении твоей операции. Вот что значит профессионал своего дела, – обратилась пожилая врач к парню. Та самая врач-гинеколог, что приняла преждевременные у Джаннет.

– Да что вы, Раиса Руслановна, я выполнял свое дело. Ничего сверхъестественного.

– Не-е-ет. Не скромничай, Мурат. Ты настоящий мастер своего дела и трудяга. Кстати, пусть Всевышний обрадует малыша раем. Очень жаль, что так вышло. Удивительно, я просмотрела историю беременности девушки, и все вроде протекало хорошо, но что могло пойти не так, что у бедной женщины так резко могло открыться кровотечение?.. Это либо резкое падение, удар, либо стресс. Хороший такой стресс, – глубоко уйдя в свою мысль, сказала женщина.

Поменяв лицо, поворачиваясь к женщине, одновременно вытирая руки полотенцем, Мурат вопросительно посмотрел на нее:

– Вы сейчас про пациентку?

– Не-е-ет. С пациенткой все понятно. Я про твою жену Джаннет. 14 недель или 16, точно уже не помню, абсолютно здоровой беременности. Мальчишка был, по моему докторскому опыту, здоров. Но пошла отслойка плаценты, да к тому же такое обильное кровотечение, что я даже опасалась за жизнь девушки. Бедняжка. Она не слышала вопросов, что я ей задавала. Слезы так и лились по ее лицу. Мы ее успокоить не могли. Когда ей показали малыша, она настояла показать, разрыдалась еще сильнее. Видно было, что очень хотела этого ребенка. Мальчик к тому же. У вас же девочка?

Мурат чувствовал, что недопонимает до конца, о чем вообще речь. Его мысли настолько помутнели, что он почувствовал то ощущение, что называется «земля уходит из-под ног». Да. Пол реально как будто куда-то плыл.

– Мурат, что с тобой? Ты как будто впервые слышишь. Или ты не знал?

– Я... я... я... Знал, конечно. Да как мне не знать. Все нормально, Раиса Руслановна. Переживем, – сказал он, выходя из операционной. Женщина пожала плечами.

Пробегая по коридору, Мурат скинул с себя халат и направился вниз по лестнице. Прямо из отделения гинекологии он вышел из здания и побежал к автомобилю. Сев в машину, он кинул халат и колпак на заднее сиденье. Теперь его руки были свободными, чтоб, сжав кулаки, можно было постучать по рулю изо всех сил, так, что непроизвольно зазвучал сигнал. Сстиснув зубы, сжав кулаки и зажмурив глаза, Мурат задрожал. Причем эта дрожь продолжалась

несколько минут, пока в окно машины не постучались. Повернув голову в направлении стука, он увидел улыбающуюся Самиру. Немного успокоив себя, чтобы не показать, насколько он не хотел бы ее сейчас видеть, он вышел из машины.

– Я увидела, как ты выбежал и быстро сел в машину, испугалась. Подумала, может, что-то случилось. Все в порядке у тебя?

– Все хорошо. Самира, я не хочу сейчас ни с кем разговаривать. Не обижайся, ладно?

– Разумеется, нет. Просто хотела удостовериться, что ничего страшного не произошло. Ладно, я пойду. – Мило улыбаясь, она ушла.

Мурат еще какое-то время сидел в машине, перебирая мысли: «Вот откуда тот сон. Мальчик, который выбежал и упал в яму, был моим сыном, которого я и зарыл в эту яму. О Боже, о Всевышний Аллах. Что я наделал? Большой стресс, она сказала. Конечно, это был большой стресс для Джаннет. Она ведь была беременна. Как я мог забыть это? Вот откуда этот сон», – Мурат схватил себя за голову, затем, сжав волосы, словно хотел сорвать их со своей головы, прочесал по ним пальцами. – Джаннет плакала во сне, как и сказала доктор, она тяжело перенесла потерю сына. Я это сделал. Почему я не оставил все как есть? Ради Всевышнего можно было все простить. Почему я так нетерпеливо поступил? Люди и убийство близкого прощают», – все это крутились непрерывно у него в голове. Мысли путались и перемешивались. Затем он завел машину и уехал.

Через 20 минут Мурат уже медленным движением колес заезжал на щебневую улицу родителей Джаннет. Остановившись неподалеку от их дома, он закрыл тонированное окно машины и стал ждать, ждать с надеждой, что, может, Джаннет выйдет на улицу или с детьми выбежит Аниса. Подождав еще немного, он подъехал поближе и остановился. Стал еще ждать, но никто не вышел. Через полчаса калитка ворот отворилась и оттуда вышел Рустам. Рустам сразу заметил машину Мурата и целенаправленно направился к нему. Он был настроен не очень доброжелательно, и Мурат сразу заметил это и вышел из машины.

– Ассаляму алейкум. (Говорят на родном языке.)

– Ва алейкум салям.

– Ты кого-то забыл? – серьезно спросил Рустам, и так встревоженный и нервный в последнее время от произошедшего.

– Как дела, здоровье?

– Ты это пришел спросить?

– Я хотел поговорить. Могу я поговорить с Джа...

– Это что за разговор? Мы кто, по-твоему? Джаннет тебе уже никто.

– Рустам, я понимаю, твои реакция и отношение оправданны, но мне действительно нужно поговорить с Джаннет. Анису увидеть.

– Смотри. Тебе, наверное, все это кажется детской игрой. Испортить жизнь Джаннет – детская игра для тебя? Абсолютно здорового по твоей вине смерть ребенка – детская игра? Рахим чуть не задушил ее, чуть не убил – и это детская игра? Уезжай отсюда, лучше будет, – Рустам был категоричен.

– Я только узнал, что ей пришлось в больнице пережить... – Мурат остановился, так как неудобно было ему говорить об этом, но они оба понимали, о чем речь.

– Это уже прошло. Переживем. Такова судьба, уготованная для нее Всевышним. А теперь лучше уезжай. Не хочу шума, ссор.

– Рустам, не надо мне угрожать, я мирно пришел поговорить. На два слова позови мне Джаннет, прошу.

– Я не позову ее.

– Почему?

– Хотя бы потому, что ее нет и в ближайшее долгое время не будет.

– Это как понимать? Как ее нет?

– Это уже наша проблема, где она, что она. Мы разберемся со своей сестрой.

– Рустам, я приехал ее забрать. Я решил все оставить как есть, забыть и простить ради Всевышнего.

– Да ладно! Серьезно? Ты – простить? Что простить? А? Нам не надо ничего прощать. Спасибо. Сделай одолжение, не прощай нас. Ладно? И уезжай отсюда, потому что Джаннет к тебе вернется только через мой труп. Ты думаешь, все можно вот так закрутить, все жизни перевернуть, а потом продолжить жить как ни в чем не бывало, как будто ничего и не было? – Рустам стал выходить из себя. Мурат молча смотрел на него и слушал. – Мои родители слегли. Отец интерес к жизни потерял, так нас еще никто не унижал, а ты вот так решил все оставить, как будто ничего и не было? Легко ты жизнь прожить хочешь. Но не в этот раз. Я не допущу, брат. Оставь теперь нас. Не нужно нас прощать, я тебя прошу, не надо. Сделай одолжение – уезжай отсюда. По-хорошему.

Мурат сделал движение, чтобы отвернуться к машине, но решил сделать еще попытку:

– Джаннет действительно дома нет?

– И дома, и в городе, и в республике нет. Она уехала в другую страну. Мы ее отправили, чтобы пожила немного подальше от этой жестокой жизни. От людей, которые ее уничтожают. Еще есть вопросы? И надолго ее нет, сразу отвечаю на новый вопрос.

У Мурата появилась еще куча вопросов, на которые, к сожалению, никто ему не ответит. Он молча сел в машину, попрощавшись с бывшим шурином, и уехал.

Он не стал ехать домой и на работе не находил места. Мучила куча вопросов: «Где Джаннет? Как найти ее? Зачем она уехала? Уехала ли вообще?» Кто ему ответит на эти вопросы? Его это все так гложет. Он просто ездил по трассе, чтобы нигде не останавливаться, никуда не заезжать, чтобы просто думать, думать, думать.

После появления первых сумерек Мурат уже оказался у берега одного небольшого пруда. Он стоял неподалеку от машины, ближе к воде, и смотрел вдаль. Длинные худые ноги стояли на земле визуальнo твердо и уверенно, но тем временем не чувствуя земли под собой. Он еще никогда не чувствовал себя таким жалким, еще никогда не чувствовал такую неуверенность и несостоятельность в жизни. Это был крах. Хотя Мурат и не считал, что это конец. Он все еще считал, что вернет все на свои места, но и при всем этом его сердце чувствовало тревогу и печаль. «Жизнь вверх дном» – это самое точное выражение, которое касалось напрямую его сегодняшнего состояния, или «наперекосяк». Но мысли не оставляли и не хотели оставлять его. Гордость и высокомерие разрывались между привязанностью и любовью к жене и дочери.

«Как же так получилось? – думал он. – Я, Мурат, один из лучших и уважаемых докторов во всем регионе, человек с большой буквы, как говорится, оказался сегодня в положении, где чувствую себя никчемным пацаненком. Мало того – опозоренным, да еще и отвергнутым людьми, которые посредством своей дочери, сестры еще и унизили меня. Разве могу я допустить такое неуважение по отношению к себе? Нет уж. Никогда. Переживу. Анису жалко. Моя, не моя – привязался к ней очень. Хороший она ребенок, умная, интересная девочка, – он невольно улыбнулся, вспомнив дочь. – А Джаннет. Она не заслуживает сожаления по отношению к себе, – сказал он себе в душе, но совершенно неискренне. – Джаннет меня и не волнует вовсе, – думал он, невольно прослезившись. – Пусть живет сама по себе».

Сев в машину, Мурат со скоростью помчался домой. Уже было темно, но еще не поздно. Зайдя во двор, он услышал разговоры. Приблизившись, увидел сестру, сидящую на веранде с матерью; поздоровавшись, он зашел в комнату. Но в комнате было холодно, пусто и темно, как никогда раньше. Он даже не сделал шаг, чтобы войти туда, лишь едва перешагнув порог комнаты. Пустота, темнота и тишина словно вытаскивали его оттуда, не давая войти.

«Прежде чем действовать, находясь в гневe, нужно трижды подумать, дать время себе, чтобы опомниться немного. Действия, совершенные в гневe, никогда не проходят без последствий и никогда еще не сделали кого-то счастливыми. Гнев – ярый враг человеческого созна-

ния и разума. Он блокирует здравомыслие и заставляет совершать поступки, которые заставляют впоследствии жалеть, возможно, всю оставшуюся жизнь». Мурат ругал себя в душе за то, что так быстро дал волю гневу. Но гордыня и высокомерие, к тому же ультимативный отказ бывшего шурина не позволяли дать слабину чувствам и сожалениям. Самолюбие он ставил превыше всего остального.

Мурат развернулся и вышел из комнаты, направляясь к матери, чтобы что-то сказать, но на веранде их уже не было, мать и сестра направлялись к выходу со двора, чтобы проводить вторую. Сначала Мурат просто подошел, чтобы попрощаться с сестрой, затем, не выдержав, обратился к матери:

– Мать, помнишь, ты что-то говорила насчет этой девушки, что она тебе очень нравится, что типа хорошая, умная, воспитанная и т. д.?

– Какой девушки? Ты о чем? – С недоумением женщины обе смотрели на парня.

– Какой-какой? Самиры. Ты же говорила, что таких, как она, нет, что она особенная, что мечтаешь иметь такую невестку. «Был бы у меня еще сын, обязательно взяла бы ее в невестки».

– Ну да, помню. Но у меня по-прежнему только один сын. Что изменилось? Ты же в любом случае был категоричен в этом вопросе.

– Все изменилось, мать. Изменились мои отношения к этому вопросу. Организуй людей, пошли сватать ее. Я поменял свое мнение. Я приведу тебе ее в невестки.

Старуха пошатнулась от недопонимания.

– Аллах. Нет, я этого не слышала. Мне это кажется.

– Мать, давай без драм. Если тебе она нужна, шли людей. Пойди к старшему нашего рода, ну сама знаешь, как и что там нужно делать. Не мне же идти за себя просить.

Рабия как застыла, так и стояла на месте, не двигаясь. Радоваться или нет, она не могла еще решить.

Мать взглядом показала дочке не сболтнуть лишнего, дабы не спугнуть сына и не заставить поменять свое решение, и Рабия, ничего не сказав, попрощавшись, ушла.

На следующее утро Мурат уверенно, но без какого-либо настроения пошел на работу. День пошел как обычно, но почему-то впервые за все время, увидев Самиру, он заволновался. Ведь теперь, когда он заикнулся матери о возможном родстве, та не отступит, но и Самира не в курсе, что уже началось решение ее судьбы, о котором она мечтала, хоть и не мечтала о таком скором решении. Мурат понимал, что хоть как-то необходимо ввести ее в курс, так как она не просто девушка, которую он увидел и решил сватать, она его коллега и давняя знакомая. И будет неуважительно не предупредить ее. «Поручить это Рабии или самому сказать? – думал он. – Поговорить, предложить. Согласится ли она вообще? Может, я ей и вовсе не нравлюсь». Мурат мысленно говорил с собой, думал и анализировал. И тут уверенно подошедшая к нему Самира с широкой улыбкой на лице дала волю его смелости.

– Самира! – со вздохом обратился он к девушке, затем улыбнулся оттого, что собирался сейчас сказать. Самира вопросительно, но с улыбкой посмотрела на него.

– Да, Мурат. Здравствуй, во-первых, – сказала она, не прекращая улыбаться.

– Я хочу людей послать к вам, – Мурат ухмыльнулся, от своей наглости и смелости опустив взор. Затем продолжил: – Я имею в виду сватов. Ты согласишься выйти за меня?

У Самиры от неожиданности забегали зрачки, она не знала, как реагировать, чтоб не показать и не выдать себя и чтоб не казаться слишком категоричной, дабы не спугнуть «жертву». Затем ей пришла в голову мысль просто повернуться и уйти, оставив след загадки. Надо же, а ведь так и получилось. Она сначала молча посмотрела ему в глаза, не найдя слов, так как не ожидала настолько быстрого результата от своих проделок, затем резко отвернулась и хотела уже тронуться, но Мурат остановил ее, слегка попытавшись повернуть плечо. Он увидел «слезы» в ее глазах и очень заволновался, подумал, может, поторопился, но продолжил, немного отойдя на расстояние:

– Я не хочу давить на тебя. Я знаю, это неожиданно для тебя. Ты и не думала о таких обстоятельствах, но жизнь иногда преподносит нам сюрпризы, и мы должны принимать решения, иногда даже включив всю свою решительность и смелость.

– Мурат. Разве так можно? Мы же несколько лет работаем с тобой бок о бок, будучи коллегами и друзьями. Я уважаю тебя как коллегу, как друга, да и как человека вообще; всегда во всем старалась поддержать и помочь. Но разве могу я посмотреть или рассмотреть тебя в качестве того, кем ты мне предлагаешь себя? Я тебя, можно сказать, братом считаю.

– Подожди, Самира. Не спеши. Именно поэтому, именно по этим причинам, что ты сейчас перечислила, я и ценю тебя и уважаю. Мы оба образованные и достаточно неглупые люди. Я почти уверен, что мы найдем общий язык. Ты подумай, а я пока решу с организацией сватовства, если ты, конечно, не против, – улыбнулся Мурат. Он так скуп одаивал ее улыбкой, только в исключительных случаях и по случаям на работе, а тут столько открытых улыбок с интересом к ней, что у Самиры задрожали ноги от волнения и неожиданности. Такого скорого результата она точно не ожидала.

Самира так боялась сказать лишнего, чтобы не дать ему повод отступить, и именно поэтому предпочла меньше слов и больше загадочных действий.

– Ладно, я понимаю. Мы на этом разоидемя. Ты подумай, поговори с матерью, а потом дай мне ответ. Я буду ждать. И знай, я уверен в своем решении, как никогда раньше.

Они разошлись. Мурат уже больше улыбался ей. Уже не был таким серьезным и неразговорчивым, как до этого. А Самира стала вести себя, как сама невинность – смущалась, скромничала, мало говорила.

Прошла пара дней без каких-либо изменений. Мурат ходил на работу, Айшат, мать его, тем временем обходила родственников, чтобы собрать старшин для сватовства. Сначала нужно послать одного общего родственника, знакомого для поднятия темы вообще, то есть, как говорится, чтобы «закинуть удочку». Если те дадут согласие, то можно посылать сватов для официального сватовства.

Когда Рабия сказала о решении брата Раяне, у младшей от неожиданности и неприязни заколотилось сердце. Она стала нервничать от возмущения. Не было секретом для обеих сестер, что Раяна недолюбливала Самиру, но никто не знал, что она знает еще пару «нюансов».

– А Мурат знает, что она разведенка? – спросила Раяна.

– Я не знаю, я сама недавно узнала и то случайно. Когда спросила Самиру, она мне сказала, что это был несчастный брак. Он оказался наркоманом, абсолютно не приспособленным к жизни, и она, пожив с ним несколько месяцев, в итоге не выдержала и ушла.

– Надо же, бедная жертва. Во-первых, не месяцев, а неполных три недели, а во-вторых, он не был наркоманом. А достаточно успешный и набожный парень.

– Ты откуда знаешь? Она же лучше знает свою судьбу.

Раяна подошла ближе к сестре и сказала более жестко:

– Вот именно, она знает, но ты из этого мало узнаешь.

– Откуда у тебя такая информация?

– Я давно дружу с двоюродной сестрой ее бывшего муженька. И она мне пару неоспоримых фактов выложила, с которыми едва ли поспоришь, милая...

– Я сегодня на чай пригласила Самиру в кафе, куда мы обычно ходим. Пойдешь с нами, Раяна?

– Пойду, конечно. Как я могу упустить такой шанс? – ухмыльнулась она.

В кафе Рабия и Раяна уже сидели, сделав заказ, когда Самира, увидев девочек, направилась к столику. Помахав рукой, она подошла, в руках у нее были два небольших подарочных пакета, которые она тут же протянула подружкам. Особо приветливая и расположенная Самира

выглядела очень дружелюбной. Но Раяну не особо впечатлил жест с подарками, настолько, что она даже не заглянула в пакет и отставила его в сторону на столе. А Рабия, напротив, сразу вытащила духи, распечатала и, довольная, с улыбкой на лице поблагодарила Самиру.

– Ты не будешь смотреть, что я тебе принесла? – спросила Самира Раяну, заметив ее «дружелюбие».

– Позже взгляну, – ответила Раяна, едва натянув улыбку.

– Ну что ж, тогда пообедаем? – Девочки приступили к трапезе.

Затем Раяна неожиданно для всех задала вопрос Самире, из-за чего та невольно поперхнулась:

– А почему ты развелась с мужем? Он плохо к тебе относился?

Самира от волнения и неожиданности потянулась к стакану с соком и сделала глоток.

– М-м-м. А почему ты спрашиваешь? – пытаюсь увести тему в сторону, спросила Самира.

– Ну, ты наша подруга же близкая... Вроде... Это секрет?

– Раяна, зачем тебе это? Не смущай Самиру, – вмешалась в разговор сестра.

– Я вроде ничего страшного не спросила. Зачем так волноваться всем?

Поняв, что, уходя от разговора, она только больше вводит в недоверие к себе, Самира продолжила:

– Он поднимал руку на меня, изменял мне, пил и, вообще, он был наркоманом.

– Какой кошмар. Полный комплект, – саркастично кинула Раяна.

– Да уж. Бедная. Натерпелась же ты от него, – с искренним переживанием добавила Рабия.

Самира, соглашаясь, кивала головой и уже хотела продолжить, но Раяна продолжила:

– Натерпелась аж целых три недели.

Самира побледнела. Но, не показав волнения, сказала:

– Другая на моем месте и дня не терпела бы.

– А как же ты все это узнала о нем за столь короткий период? Вот очень интересно мне. Чтобы узнать такие факты, часто месяцы, годы уходят, чуть ли не расследование проводят, начиная от подозрения к подозрению. Но тебе удалось сверхвозможное. Ты что, обнаружила его в объятиях другой женщины с героином в одной руке, а с бутылкой водки в другой, и он тут же вскочил и стал избивать тебя? – Раяна немного засмеялась, но тут же прекратила. – Извини, я не насмехаюсь, просто очень интересно стало, что невольно представила картину. Другая в голову и не лезет, – снова ухмыльнулась она.

Самира стиснула зубы. Пока в свое оправдание в голову ничего не лезло, ведь она-то знала тайну своей судьбы. И за то, что она провела замужем три недели, вовек должна благодарить своего бывшего мужа, который оставил ее и не выгнал на третий день, дабы прилюдно не опозорить. Самира была далеко не безгрешна, выходя замуж, надеялась, что сверхинтерес мужа к ней как к женщине поможет простить ей ее грешок. Но не тут-то было. Честь для мужчины из этих мест превыше всего, а не какое-то там «люблю», «главное – душа человека» и все такое. Честь семьи и рода превыше женских красот.

– Добрые люди открыли тайну, после я начала наблюдать и сама обнаружила его делишки. Я была крайне раздавлена и разочарована. Места себе не находила. Хотела даже покончить жизнь самоубийством, но нашла в себе силы и приняла решение развестись, – Самира проследила, Рабия тоже вместе с ней, но Раяну не впечатлил ни рассказ, ни ее слезы.

– Ты знаешь Хаву? – неожиданно спросила Раяна. – Она двоюродная сестра, кажется, твоего бывшего мужа.

– Д-д-да, а что? – с осторожностью ответила Самира.

– Я работаю с ней пару месяцев. Хорошая очень девочка, мы очень подружились с ней.

У Самиры поменялся цвет лица.

– Хава рассказывала, что очень дружит со своим двоюродным братом и очень часто бывала у вас. Так ведь?

– Да, бывала, помню. Да она может что угодно говорить, чтобы оправдать своего брата.

– А с чего ты взяла, что она что-то вообще сказала? – с изумлением и любопытством спросила Раяна.

Самира посмотрела на Раяну и молча пожала плечами. Девушки больше не стали говорить об этом, но Самире уже было достаточно, чтобы понять, на что намекала Раяна.

В эту ночь Мурат очень плохо спал, много раз просыпался в своей постели, чувствуя себя совершенно одиноким во всем этом мире. Ему не хватало Джаннет, он вдруг начал чувствовать невыносимое угнетение от разлуки с ней. Теперь ему уже казалось, что лучше бы он сдержался тогда и проверил все сам, когда немного успокоится. Во имя Всевышнего нужно было проявить терпение. Теперь он рассуждал более мягко, когда пыл и гнев остыли. Ведь недаром говорят, что нельзя делать поспешных шагов, находясь в гневе, чтобы не совершить ошибок, которые потом трудно будет исправить. Но Мурат не из типа мужчин терпеливых, а напротив, он вспыльчивый, хоть сердцем и добр. Его главные отрицательные черты характера – это высокомерие и гордыня. Эти два чувства, родственные между собой, не давали ему сделать шаг назад или признать ошибку. Нельзя сказать, что это мешало ему как-то в жизни и не давало чего-то достичь или добиться. Напротив, его упорный характер немало поучаствовал во всем том, чего он добился в жизни, но в решении своей семейной жизни или судьбы ему это мешало и «подпортило всю малину», если можно так сказать. Мурат думал не только о том, что не смог сопротивляться сложившейся ситуации, но еще и о том, что сам повлиял во многом на ход событий, словно так и ждал повод развестись с Джаннет, но это было отнюдь не так. Как было не присуще кавказским мужчинам, а тем более этого народа, он не демонстрировал свои чувства и где-то проявлял даже грубость и хладнокровие, но он любил свою жену и любил сильно. И сегодня чувство вины и ревности мучило его со всех сторон: мозг путался в мыслях, сердце разрывалось от боли и чувства вины, а душа страдала от чувства полного одиночества, отчаяния и беспомощности. Парень точно знал на тот момент, что не даст сложившимся обстоятельствам идти, как они пошли сейчас. Вот только Мурат не рассчитал несколько моментов, у обстоятельств уже другие планы и на него, и на судьбу девушки с дочкой. Сейчас он пожалел о том, что ляпнул Самире и матери о женитьбе, но было поздно, на него расписала планы его драгоценная мать Айшат, а на Джаннет... В общем, это уже другая история.

Джаннет тоже не могла уснуть уже которую ночь в новом доме, в гостях у совершенно чужих, но очень обходительных и великодушных людей. Ее мучило не конкретное местоположение свое, а местоположение ее судьбы в целом. Снова и снова мучили вопросы: «Как? Почему? За что?» Она не могла найти ответов, даже задавая себе эти вопросы каждый день и каждую ночь. Мысли, путаясь в ее голове, не давали уснуть.

Когда лучи солнца заиграли на лице Джаннет, было уже не так рано. Почувствовав на коже тепло, Джаннет приоткрыла глаза и начала, изучая, разглядывать потолок; так она делала на протяжении всех тех дней, что провела здесь, пока не стала немного привыкать. Хотя уже можно было запомнить и привыкнуть, что она не у себя, а в чужом доме и городе, но все же каждое утро Джаннет заново вспоминала, что она проснулась не у себя. Джаннет встала, накинула длинный, в пол, свой халат, укутала вокруг головы и шеи трикотажный палантин так, чтобы не видно было ни шеи, ни волос, ни ушей, и вышла из комнаты, направляясь в ванную. Ванная комната находилась недалеко от кухни, и поэтому разговоры, исходящие оттуда, были хорошо слышны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.